

Алекс Спрайт

КЛИНКОМ И СЛОВОМ

Алекс Фрайт

Клинком и словом

«Издательские решения»

Фрайт А.

Клинком и словом / А. Фрайт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854330-2

Никогда не оживляй тени и тебе не придется убивать их, защищая свою жизнь, ибо тот, кто встретит тебя за словами, способными соткать из них живое, будет неизмеримо сильнее тебя.

ISBN 978-5-44-854330-2

© Фрайт А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Клинком и словом

Алекс Фрайт

© Алекс Фрайт, 2017

ISBN 978-5-4485-4330-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Три десятка верховых поднялись на вершину песчаной дюны на закате, оставив за спинами лесистую равнину. Слева и справа виднелись такие же холмы, покрытые густой щеткой сухой травы с проплешинами раннего снега. Огромные стволы сосен дотянулись до самого крутого гребня, под которым начиналась сплошная полоса обледеневшего песка, укатанная волнами Янтарного моря в ровную, как стол, поверхность. Соленый ветер трепал гривы лошадей и раздувал полы черных плащей воинов, отчего те казались стаей расправивших крылья воронов, усевшихся в седла. Один из всадников спешил, захрустел ломкой травой под сапогами и прошелся перед молчаливыми спутниками, разминая ноги, задубевшие от долгого пути. Затем встал на краю обрыва и некоторое время смотрел, как багровый шар солнца тонет там, где небо срослось с водой. Первый хольд тайного сыска отца Тримира, брат Пяст, выглядывал в вечерних сумерках песчаную косу, у начала которой находился монастырь Святого Орма. Заметив знакомые очертания, обернулся.

– Лошадей не морозьте, – сказал, запахнувшись плотнее в балахон. – Укрытие найдите поблизости. Ждите. Не приду к утру – всю округу на мечи поднять, а монастырь сжечь. Чтобы вся эта зараза в нем в пепел обратилась.

Он шагнул вниз, опираясь руками о смерзшийся песок, и заскользил по склону, оставляя за собой две глубоко взрытых борозды. Солнце с макушкой утонуло в Янтарном море, когда он оказался у подножия дюны, отряхнул руки и направился к смутно различимым строениям обители. Под ногами трещал ноздреватый ледок, похожий на губку, в воздухе повисла промозглая сырость, а поверхность берега только издали казалась ровной: вблизи она скорее подходила для козьих копыт, чем для человеческих ступней, обутых в сапоги. Последний отблеск светила расплескался понизу собирающихся к ночи облаков и угас. В полутьме передвигаться стало труднее, и когда перед ним поднялась стена, опоясывающая монастырь, он не сдержал вздох облегчения. Приземистая громадина обители, огороженная плотным дубовым тыном, казалась вымершей. Молчали собаки: не услышали, не почуяли гостя, или забились куда от холода. Он двинулся вдоль стены и достиг ворот уже в полной темноте. Нетерпеливо загромыхал ногой в толстые доски двери. Следом за стуком из-за холмов примчался ветер, взметнул балахон, стегнул колючими иглами по покрасневшему от холода лицу и завыл над ухом, наткнувшись на стену. Узкие створки скрипнули несмазанными петлями. Грязь, перемешанная со снегом и навозом и прихваченная поверху легким морозцем, захлопала под ногами подпоясанного мечом стражника. Он сунул сыплющий искрами факел чуть не под нос позднему гостю, прихватил в жменю ворот своего налатника, подбитого мехом, и уперся плечом в дверь, на которую надавил порыв ветра.

– Опустит арбалет, Гнот. Один он и безлошадный, – кинул кому-то за спину.

– Всечет еще не помер? – спросил брат Пяст.

Он не был уверен, что старый монах жив, считай, лет с пять к нему не заглядывал. Но именно сейчас ему позарез необходим был тот, кто не только знал о навязанном отцом Тримиром старшему тайного сыска поручении больше кого бы то ни было, но и кого уже ничего не интересовало в этом мире.

– Ковылял с утра, – запыхтел стражник, добавив в помощь плечу и вторую руку с факелом.

– Так чего ждешь?! – недовольно рявкнул хольд.

– Не ори, а то за порогом оставлю, – облачка пара слетали с губ стражника вместе со словами. – Кто его знает, откуда ты в этой глухомани взялся. Трапезничать и отдохнуть с братией собрался, или так просто шляешься, как разбойник по ночам, добрым людям спать не даешь?

Брат Пяст задрал полу балахона, показав и не узнавшему его караульному, и свистящему ветру добротную одежду, широкое лезвие ножа в петлях пояса, кожаный мех с вином и пухлый кошель. Вид последнего тут же сделал стражника более приветливым и заставил посторониться, освобождая вход в обитель.

– Тепло у нас, – добродушно выдохнул он в лицо хольду перекишей брагой, – и погорячее для нутра найдется.

Всечет и в самом деле еще не помер. Лежал на грубо тесаной скамье, подложив под некогда крепкое, а теперь почти безвольное, высохшее от прожитых лет тело, медвежью шкуру. Одни глаза остались живыми и яркими пятнами на темной коже лица, рассматривали с интересом неожиданного гостя, вторгшегося в крохотную келью. Перед братом Пястом, который и сам под масляной плоской над дверью отсвечивал плешью в седине, предстал такой дряхлый старец, что он рядом с ним мог показаться вполне себе молодым мужчиной.

– Давненько тебя не было, – проскрипел старый монах. – Едва узнал.

– Тоже самое и о себе могу сказать.

Он скривился от взгляда на немощного Всечета. Подумал, что старик давно мог утратить способность разумно изъясняться, но глаза, не подернутые пеленой слабоумия, и твердая речь оставляли надежду на беседу.

– Все не отойду никак в другой мир. Не отпускают грехи, – всклокоченная борода дернулась, показав тонкие, бескровные губы, а худая рука указал ему на место рядом с собой. – Ты прихватил вина?

– Взял немного, – кивнул хольд, усаживаясь на скамью в ногах монаха.

Он полез под балахон, достал небольшой кожаный сосуд и выдернул затычку. Старик потянул носом.

– На ночь пить не стану. Уснешь, и не почувствуешь, как в голове легкость появляется. С утра глотну.

– Дело твое, – он пожал плечами и подsunул мех под вялые пальцы Всечета.

– Сам приложился бы, – сказал старик. – Глядишь, и беда с шеи слезет.

– С чего взял, что беда у меня с плеч ноги свесила? – удивился он.

Монах прикрыл веки, отчего его лицо стало совсем безжизненным, превратилось в растрескавшуюся морщинами бугристую кору древесного ствола с острым сучком носа.

– Как тебе сказать, – сказал он, и брату Пясту показалось, что тот насмехается. – Я ходить почти разучился, но ведь не ослеп же. Вижу насквозь еще с того дня, как тебя стража сарта Некраса за воровство вздернуть хотела, да я уговорил за малую толику серебра в монастырь отдать.

– Так... – протянул хольд. – Все наружу выперло? Напоказ торчит, говоришь?

Старик вновь усмехнулся, а брат Пяст поморщился. В половину серебряной куны оценили тогда его жизнь хмельные стражники. И монах в потертом балахоне, который выкупил его за последнюю резану из монастырского подаяния в пустом кошеле и привел в обитель, взялся учить отчаянного сорванца уму-разуму. Странная это была наука, нехотя вспомнил он то, что предпочел бы забыть навсегда. Молчаливая, со старыми свитками и плетью, частенько гулявшей по его спине за беспросветное нерадение к чужим языкам. И тот же Всечет, что был немолод уже в детстве Пяста, и из которого никому в обители не удавалось вытянуть хоть одно доброе слово, иногда откладывал плетль в сторону и ворчал вполголоса себе под нос: неужто выйдет толк из ублюдка?

– Ладно, – буркнул он. – Путь в Невриду никак не найду. Тайный чтобы.

– Чувствую, погань на тебе не только коркой снаружи взялась, а в самое нутро корни пустила.

– Не тебе меня отмывать.

– Далеко мы от Герсики, но и сюда доходят слухи, что дела твои непотребные совсем мерзкими стали.

Старик пожевал губу, открыл глаза и тяжело вздохнул.

– Вот уж не думал, что моя наука в богопротивное дело обернется. Но тебя же это не оставляет?

– С чего бы? – ощерился в жуткой улыбке брат Пяст.

– Зевнул я тебя, проворонил, – поскущел Всечет. – Надо было страже тогда помочь за веревку дернуть, а не поить их за твое освобождение.

– Значит, говорить не станешь, – процедил хольд сквозь зубы.

– Ты же знал ответ заранее. Зачем столько верст наматывал?

Брат Пяст придвинулся ближе, наклонился, прошипел прямо в заросшее длинным волосом ухо монаха:

– Ты знаешь, кем я стал. Всю обитель под корень сегодня же! У тебя есть время пока все десять пальцев не загну, чтобы заговорить и оградить невиновных от гнева отца Тримира.

Старик пошевелился и мех с вином шлепнулся на пол.

– У тебя с Тримиром есть оправдание, – неожиданно хихикнул он. – Глупость и ненависть. Жаль, что не доживу до того часа, когда под вашими ногами так же запалют солому с дровами, как и вы поджигаете их под ногами приговоренных.

– Все-таки, скажешь, – хольд обрадованно потер ладони.

– Не сомневайся, – твердо ответил Всечет, – Хотя бы ради того, чтобы те, кто придет за вами, поторопились. Ты должен был запомнить, Пяст, что для них преград не существует.

– Ну, – гость махнул рукой и поднял мех, – ты все равно не узнаешь о последствиях содеянного. Давай, лучше выпьем. За удачу близкую, или за смерть скорую – это уж пусть каждый за то, что ему по нраву больше.

– На углях скоро пить будешь, на пепелище! – взбеленился старик.

Брат Пяст икнул, будто подавился. Растерянно посмотрел на перекошенный рот Всечета. Никак понять не мог, о чем тот. Наконец, осознав, задышал прерывисто, наливаясь гневом, врезал кулаком по лавке, а старый монах вздохнул, с тоской глянул на сосуд с вином и, кряхтя от усилий, с хрустом в костях стал подниматься. Посидел немного, сдернул с подушки медвежью шкуру и достал из-под нее глиняную чашу. Хольд хмыкнул.

– А ты, старик, еще поживешь, гляжу. А что? Здесь не так плохо, как могло показаться с первого взгляда. Воздух просоленный, полезный, дышится легко, сосны, песок, камни. Отличное место, чтобы молиться с чистой совестью.

– И Герсика тоже на берегу Янтарного моря стоит. И сосны там те же, и песок, и камни точно такие же, а воздух гнилой.

– Ты потому и ушел в этот монастырь.

– Я бы ушел еще дальше, да хворь свалила.

Пяст хохотнул, хлопнув себя по бедру, откупорил мех и щедро плеснул в чашу Всечета, не пролив ни капли. Тот зыркнул на него исподлобья и начал медленно тянуть вино. Потом причмокнул, вытер бороду вокруг рта, и сложился обратно на лавку. Старший тайного сыска прижал мех к губам, запрокинул голову, задвигал острым кадыком, глотая.

– Хорошее вино у Тримира, – блаженно сказал старик, вперив неподвижный взгляд в потолок. – Ты на мои поминки его пришли. Братьям понравится. Не тронешь их?

– Не трону.

– Ну и ладно. Говори, зачем пришел.

Брат Пяст сжал зубы, начиная жалеть, что предложил Всечету хмельное угощение.

– Спросил уже, – обозлился он.

– Не слышно было, – скривил монах рот на одну сторону. – Еще раз спрашивай. Куда в Невриду собрался?

– Как куда? – вытаращился хольд. – Туда и собрался. Только, чтоб не знал никто, что чужие пришли.

– Куда, говорю, хочешь? – устало повторил Всечет. – Все-таки не пошла тебе впрок учеба. Как была голова пустой, так ей и осталась. В какой из Пределов тебе неразумному надо? Анлор, Тогран, Ирелен? А, может, в Архенар или Плиссе нужно, или – ну, на это я и надеяться боюсь, чтобы не сглазить – к Уродливым Сестрам попасть желаешь?

– Желтоглазую девку, как найти? – спросил брат Пяст, оглаживая пальцами рукоять ножа и едва сдерживался, чтобы не вогнать его старику в грудь.

– Сколько раз повторял, – сокрушенно протянул монах, – а сколько раз спину, согнутую над свитком, плетью перетянул? Измочалил, а все почему зря. Плеть жалко, не спину твою.

– Ты мне загадками не отвечай! – вскинулся тот.

– В Плиссе она, – нехотя проворчал Всечет.

– Ну, тогда мне Анлор нужен.

– Ты же о желтоглазой спросил.

– Передумал уже.

– Не верти языком, как угорь пузом на сковороде. Прямо скажи, чего хочешь.

Брат Пяст задумчиво растер виски, отвернулся в сторону, разглядывая в колеблющемся свете от масляной площадки трещины в толстых бревнах стены кельи. Затем спросил охрипшим голосом, так и уставившись в стену:

– Что случится с Герсикой, если эту девку схватят на землях сарта, а прикончат в Анлоре?

– Так вот зачем тебе тайный путь в Невриду.

– Ты догадлив, – буркнул хольд. – Но забыл ответить.

– Для тебя уже все произошло. Навьи не вмешиваются в дела людей, но в этом случае и сарт Некрас, и все его родственники на побережье вряд ли переживут ее смерть дольше, чем на одну ночь. Однако, обстрепать подобное тебе с Тримиром не под силу, – глаза Всечета засветились верой и убежденностью. – Никому это не под силу!

– Думаешь, у нас не хватит воинов, чтобы скрутить одну девку, пусть она в волшбе и покрепче любой здешней ведьмы будет, протащить ее через Пограничье в Анлор и утопить в первом попавшемся на пути болоте? – он повернулся и окинул старика подозрительным взглядом.

– Ты можешь сколько угодно тешить свою похоть, представляя, как эти воины будут насиловать желтоглазую, – смешок, резанувший ухо хольда, запрыгал, забулькал в горле монаха. – Лучше помечтай о гареме султана, Пяст. Это гораздо проще и не так опасно для твоей ничемной жизни.

Всечет с трудом разогнулся, нашарил руку гостя на лавке, оперся о нее и сел. Скривился от боли, отдающей в ноги, когда брат Пяст, легонько похлопав его по костлявому плечу, примирительно сказал:

– Ты так уверен в обратном, что мне бы очень хотелось услышать ответ на вопрос: почему?

– Потому что ты сдохнешь, едва ступив на берег Горыни, а она никогда не появится по эту сторону Волмы.

– Что еще скажешь? – спросил Пяст.

– Ничего, – пробурчал старик. – Я ведь мальчишкой все окрестности облазил. Все подземелья с бечевой прошел. Ты хоть знаешь, что Путеводное Око навьи руки возвели? И цитадель сарта, и саму Герсику. И Вилоня их рук дело. Чувствовали, наверное, что мерзость по этим землям расползется. Вот и ушли.

– Выпьем, старик, – хольд потряхнул мех с вином. – И ты расскажешь мне, чем заманить ее обратно. Ты ведь помнишь о своих братьях в этой обители, и не станешь утверждать, что не знаешь, как это сделать?

Единственное, о чем жалел в этот миг старый монах, принимая полную чашу вина в трясущуюся мелкой дрожью ладонь, так это о том, что смерть не прибрала его до приезда этой мрази из Герсики.

– Не стану, – прошептал он, хотя на его мрачном лице, изрезанном глубокими морщинами, согласия не появилось.

Настоятель Тепта поднял глаза на скрип двери. Отодвинул книгу, по страницам которой сосредоточенно водил пальцем. Вытянул шею над колеблющимся от сквозняка огоньком свечи и пристально посмотрел на Всечета.

– Зачем он приезжал? – спросил глухим голосом, стараясь выглядеть не слишком обеспокоенным.

Ледяной ветер яростно бился в толстые стены монастыря, стонал обезумевшим зверем под кровлей между балок перекрытия, свистел в дымоходе очага. И старый монах, который карабкаясь под самую крышу по лестнице к главной келье монастыря, истово молился на каждой ступеньке, чтобы законченный негодяй Пяст без следа сгинул в этом штормовом безумии, едва выдавил из себя:

– Уходить надо. Сейчас же.

– Куда?! – настоятель вскочил с лавки, забежал по келье. – Зимой? В море?

Старик ответил не сразу, держался за стену после трудного подъема и выпитого вина, старался унять выпрыгивающее из груди сердце. Дышал редко, по крупцам втягивал воздух в kloчущее хворью нутро, надеясь, что дотянет сердце, не оборвется навсегда, пока не скажет нужных слов.

– Хоть к дьяволу, – просипел, оседая на пол. – Все одно лучше, чем рядом с ними.

Тепта неверными шагами добрался до окна. Положил ладони на холодный подоконник, смотрел сквозь пластинки слюды на снег, мечущийся в бешеном танце, и беззвучно шевелил губами, призывая все несчастья на голову отца Тримира. Потом обернулся к потрескавшейся фигурке святого на стене, пожевал губами, опускаясь на колени.

– Ты простишь, – склонил голову. – Ему же не смерть братьев нужна во славу его, а вера.

Деревянный старец с крестом не ответил, смотрел отрешенно в пол такими же деревянными глазами, не разжимал едва прорезанных губ, молчал, как молчал и все эти десятки лет на стене, за которой сейчас тоскливо выла вьюга, точно волк, умирающий от одиночества. Всечет болезненно сморщился, приподняв тело сначала на колени, затем выпрямился и в полный рост, держась за поясицу.

– В Плиссу вестников отправить надо. Только желтоглазая иларис и ее воины смогут укротить эту свору.

– Туда и дороги-то никто не знает. Даже не слышали о такой.

– Я укажу.

– А если вестники не доберутся?

– Тогда этот мир рухнет.

– А если устоит, не рассыплется? Не придется ли нам к чужим богам прислониться? – ужаснулся Тепта.

– Пусть их боги останутся с ними, – хрипло выдохнул Всечет, хватаясь за сердце. – Прикажи лошадей седлать, и монахов подбери покрепче, пока меня Господь не призвал. Чую, время пришло.

Глава 1

Ночь отступала от стен Стохода. Далеко на востоке погромыхивала гроза. Полоса густой черноты растеклась по небу, накрыла робкую бледность просыпающегося рассвета и неторопливо ползла к переправе через Скриву, проглатывая поздние звезды, когда на дороге из Лани появился всадник. Он придержал лошадь, вытер обильно потеющее в душном воздухе лицо и настороженно рассмотрел спуск к реке. Наметанным взглядом окинул дорогу, перегородившие ее рогатки, согнутую над казаном стряпуху, размешивающую утреннюю кашу, и широкую гладь реки в редких клочьях тумана. В десятке саженей за жердиной, прогнувшейся под весом храпящего караульного, что-то вполголоса обсуждали паромщики. Чуть дальше, под крепким навесом, рядом со скособоченными козлами, на которые, не утруждаясь поиском подходящих оструганных досок, бросили целый пролет забора, превратив их в щелястый стол, сидели на скамьях воины и старший заставы. Коренастый стражник подтянул обеими руками брюхо, свисающее над широким поясом с петлями для оружия, уперся лбом в просмоленное дерево дубовой бочки, зачерпнул ковшом теплой воды и, бранясь от удовольствия, стал тонкой струйкой лить ее себе за ворот. Вода хлынула из колец кольчуги, насквозь промочила штаны, потекла в сапоги, а он зачерпнул следующий ковш и начал лить вновь, с хлопаньем переступая в образовавшейся под ногами луже. Колыхался в открытом дозорном фонаре язычок пламени, окруженный мельтешащей мошкаррой, поблескивало в чашах кислое вино из Герсики, лежала на деревянном подносе нехитрая снедь из окрестных хуторов и над столом висел приглушенный гомон голосов.

В неподвижном воздухе над рекой катился далекий женский напев, позвякивал на том берегу колокольчик на шее у скотины и доносился плеск весел. Первая в это утро лодка ткнулась в песчаный берег. Лодочники в подвернутых портах, перевалившись через низкий борт, набросили веревку на крюк, вбитый в толстое бревно парома, и намертво привязали свое суденышко. Путник расправил плечи и пустил лошадь шагом, неторопливо приближаясь к заставе. Приснувший дозорный выронил арбалет, едва не разрядив его себе в ногу, когда лошадь фыркнула прямо над ним, прервав беспокойную дрему.

– Сгинь, нечисть! – взвизгнул от страха.

Вцепившись одной рукой в жердь, а второй в рукоять меча, он таращился на верхового так, будто ненавистного родственника увидел, которого давно и безнадежно мечтал отправить в могилу. Путник скинул на спину капюшон балахона и открыл лицо. Широкий нос, низкий лоб с прилипшими прядями редких волос, выдающиеся скулы, впалые щеки и острый подбородок покрывали крупные капли пота. Он забросил поводья на спину лошади, вытянул из кармана лоскут ткани, когда-то белый, а теперь такой засаленный, что им впору меч чистить, а не лицо вытирать, хоть бы и не таким уродливым оно было. Высморгался шумно в сторону, прижав одну ноздрю пальцем с распухшими суставами, рассмотрел тряпицу и затолкал ее обратно, так и не утеревшись.

Дозорный выдохнул с облегчением и подбоченился:

– Куда прешь, козья морда?

– На тот берег надо, – путник сделал шаг ближе. – Из Лани еду.

– А почему ночью? – подозрительно уставился на него пришедший в себя стражник.

– Так утро уже, – растянул тот тонкие губы в жуткой усмешке.

– Эй, старшой! Берест! – заорал караульный во все горло, выкатывая глаза от натуги. –

Пташка тут ранняя, чтоб ей!

Воины обернулись. Один толстяк у бочки головы не поднял, так и продолжал черпать воду. Ближний воин, молодой и долговязый, в великоватой кирасе с чужого плеча, приложил ладонь ко лбу, шурился в рассветную полутьму, чтобы разглядеть нежданного гостя получше.

– Открывай, – тот провел краем ладони под носом, шмыгнул и протянул руку к жердине.

– Ты не руки протягивай, а ярлык покажи! – испуганно отшатнулся караульный. – Давай, сначала поглядим, кто таков.

Путник вытащил из-за пазухи полоску кожи с печатью и помахал перед стражником.

– Зыба! Что у него кроме ярлыка? Дозвол на меч есть? На животину тоже пусть показывает. Лошадей воруют чуть не каждую ночь, – громко выругался старший.

Он неохотно отставил чашу и поднялся. Высокий, сухопарый, одернул кольчугу на тощем, но жилистом теле, передвинул меч на поясе со спины набок и перешагнул через скамью, прихватив со стола дозорный фонарь.

– Как думаешь, мимо Вилони ехал, так на той заставе сон всех сморил? – хохотнул путник, показав караульному полный рот зубов.

– Может ты ее стороной по лесу объехал, а? Или прямо из чащобы сюда? Награбленное на торжище сбыть? – злобно прошипел раздосадованный стражник, передавая полоску тисненной кожи приблизившемуся Бересту. – Откуда мне знать.

– Что-то не видел я тебя здесь ни разу, – пробурчал старший заставы, поднося фонарь к самому лицу путника. – Десять лет служу. Должен был запомнить. Морда у тебя всем на загляденье, приметная до жути, а не знаю вот.

– Печать корта разгляди, а больше нам и знатья ни к чему. В один кувшин вина носы не окунали, – раздраженно ответил тот, прикрыв глаза от яркого света.

– Ты еще скажи, что сам сарт Некрас твой ярлык перстнем прихлопнул, – презрительно сплюнул Берест, захлопывая заслонку фонаря. – Откуда путь держишь?

– От Лани.

– Буслай! Ты ж из Крени? Рядом с Ланью вроде плоты по Скриве таскал. Узнал наглеца?

– Да где их упомнишь всех, – хмыкнул паромщик.

Он задумчиво почесал затылок, вытер рукавом рубахи пот со лба и разочарованно махнул рукой:

– Вот, если бы девка.

Стражники загоготали.

– Меч стянуть можно, – неожиданно брякнул толстяк, бросив ковш и сдувая с носа капли. – И ярлык можно.

Он окинул путника долгим взглядом, подошел к нему ближе, так хлюпая водой, словно в реку только что вниз головой с мостков навернулся. Зацепился глазами за длинный тюк, притороченный на лошадином крупе, отпрыгнул и выхватил меч.

– Девка у него там! – заверещал, тыча пальцем. – В мешке!

– Хмельного перебрал, Решта? – старший стражи повернул голову.

– Это которая у Елицы-повитухи вчера вечером пропала? – долговязый весь подобрался, вскинулся с места, поднимая арбалет. – А ну-ка, снимай!

– Разбойник, не иначе...

– Коз пасла...

– Ни ее, ни скотины...

Воины загалдели, хватаясь за оружие. Запричитала стряпуха, уронив мешало в казан.

– Хватит брехать! – отмахнулся Берест. – Старая кочерыжка, где живет? На той стороне. А этот откуда едет?

– Ага, – долговязый смутился и поскреб арбалетом кирасу, – не сходится.

Берест рассмотрел ярлык гостя, потер печать, поднес пальцы щепотью к носу, принюхался, меняясь в лице.

– Так нет в мешке никого? – спросил с усмешкой.

– Одежка сменная, доски писчие для отца настоятеля, да белье спальное, – путник пнул накрепко завязанный тюк кулаком. – Девку в сене качать надо, а не в мешок прятать. Задохнется – какой с нее толк?

– Твоя правда, – Берест протянул ярлык обратно и виновато развел руками. – Остальное смотреть не стану. Грамоте не настолько обучен, но что-то подсказывает, что у меня такого ярлыка никогда не будет. Высокого полета ты птица, но плату за переправу все одно возьмем.

– Так кто ж против? – ответил гость, легко запрыгнув в седло и скосив глаз на Зыбу. – Порядок везде должен быть.

Полыхнула ослепительная молния. Высветила за спиной странного путника низкие, округлые возвышенности, поросшие густым лесом, что тянулись на сотни верст до самой Полоты. Зигзаги глубоких оврагов, днем ярко желтеющие песком на обрывистых склонах, от этой вспышки налились непроглядной тьмой, перечеркнув равнину такими иссиня-черными языками, будто лопнул от этого удара сам панцирь земли, пошел глубокими трещинами. Поднялся ветер, дернул на обрыве одинокую сосну за куцую макушку, рванул, переломил, как щепку, и помчался вдоль реки, поднимая волну и оглаживая низкий кустарник по берегам до самых корней. Зыба, приседая от страха, потащил жердь в сторону, освобождая проход. Верховой тронул лошадь, и она, мотнув перевязанным под корень хвостом, хлестнула караульного по щеке жестким пучком волос. Он плюнул в лошадиный зад, вытер лицо и размашисто перекрестился.

– Как есть нечисть, – скривился. – Глаза, что угли.

– Ты языком-то без меры не молоти, а то укоротят, – старший заставы хлопнул его по плечу и злобно оскалился. – Заснешь еще раз – всю шкуру кнутом со спины до сапог спущу.

Он смотрел, как путник остановился рядом с паромщиками, убеждал их, вытягивая руку в сторону слободки у Стохода, а те мотали плататыми головами, задирая глаза в небо. Блеснул на ладони серебряный. Следом и второй показался тонким ребром между пальцами. Буслай жадно подхватил первую куну, небрежно подброшенную вверх, куснул зубами, затолкал за щеку, ткнул напарника кулаком под ребра. Паромщики вдвоем налегли на толстую рукоять ворота, провернули, подтягивая выше провисший пеньковый канат.

– Заводи, – призывно махнул рукой Буслай, запрыгивая на настил парома.

Ветер трепал его волосы, надувал рубаху пузырем, норовя скинуть в воду. Волна била в подпрыгивающие бревна, окатывая брызгами, а он ощерился в широкой улыбке и орал, перебивая ветер:

– Только сам свою лошадь держи. Недосуг нам будет. Вот-вот начнется.

Старший заставы добежал до навеса, плеснул из чаши в рот кислого вина, выдохнул, обвел насмешливым взглядом стражников:

– Ну, кто резану поставит, что не утопнут?

– А, была не была, – долговязый полез под кирасу за кошельком. – Десяток медяков наскребу. Больше нет.

– Не видать им того берега, – Зыба покосился на Береста и, пересчитывая медь, пробурчал себе под нос: – Нечисть, она речной воды страсть, как не любит.

Вслед за его словами оглушительно ударил гром и опрокинул переполненное водой небо на землю. Стена дождя рухнула сплошным потоком, скрыв отчаливший паром в серой пелене.

За стрельчатыми окнами яростно бушевала гроза. И брат Пяст, тяжело ступая по каменным плитам монастырского коридора между дубовых дверей келий, тоже был вне себя от ярости. Даже, когда неделю назад ему донесли о внезапной пропаже сразу пятерых его ряженных лазутчиков на гиблой стороне за Волмой, и стали поговаривать, что он утратил не только способность управлять тайным сыском на побережье Янтарного моря, но и доверие всеильного отца Тримира, он не скрежетал так зубами. А теперь вот и среди ближайшего окружения

поползли упорные слухи, что его дни сочтены. Конечно, и настоятель Мураш, и встречаемые монахи, как и прежде, почтительно сгибают спины, склоняют головы, прячут взор и перебирают дрожащими пальцами четки. Вот только в их глазах, за миг до того, как они уставятся в тесный камень под ногами, он стал замечать и нечто другое, разительно отличающееся от прошлого беспрекословного повиновения. Сейчас, кипя от гнева, он был готов на убийство первого же, попавшегося на пути черного балахонника, недостаточно быстро опустившего веки. Показалось в полутьме, или нет, что тот ухмылялся? Побагровев от злости, он смотрел на плешивую макушку монаха, покрытую россыпью коричневых пятен, и тискал вспотевшей ладонью рукоять меча, тянул его из ножен, сдерживая бешенство, на два пальца, на пять. Остановился, когда на тусклом железе клинка отразилось перекошенное, морщинистое лицо, глаза, вытаращенные от ужаса, и потрескавшиеся губы, готовые исторгнуть вопль. Брат Пяст все-таки удержал руку, вогнал клинок в ножны и, ссутулившись, зашаркал сандалиями к предоставленному услужливым ключником покоям, благодарный всевышнему, что не дал зря прикончить невинного. В окрестностях Стохода, как и на других землях сарта Некраса, еще можно было прибить пару хуторских, а вот в обители для этого необходима веская причина. Если только кого из слуг изувечить? В монастырях он всегда страдал человеколюбием, а ведь мог и не сдержаться после столь неприятных воспоминаний о недавней беседе с отцом Тримиром.

Хольд захлопнул за собой дверь, окинул безумным взглядом скромную келью и отшвырнул ногой тяжелую, резную скамью. Неожиданная острая боль перехлестнулась через его гнев, заставила охнуть, выдавила слезу на изрезанную глубокими морщинами щеку. Он скривился, потер ушибленную до синяка ступню и, прихрамывая, проковылял к окну, в которое ломился ветер. Требовалось найти выход злобе, но где ж его найдешь в монастыре?

– Вина! – заорал, морщась и потирая ногу.

Он подхватил с подноса кувшин, плеснул в чашу и влил темную жидкость в глотку.

– Ты что принес, недоношенный ублюдок? – вызверился на служку и швырнул чашу в стену.

– Вино, брат Пяст. Лучшее, – залепетал тот, пятясь к дверям. – Может в погребках чего напутали. Что дают, то и несу.

– Ну-ка, – он схватил глиняный кувшин, сунул нос в узкую горловину и принялся, вытягивая аромат.

Хмыкнул, удивляясь сам себе. Раздраженно потер лоб, разгоняя морщины к вискам. Решил, что это ярость настолько затмила разум, что и вино разбавленным водой показалось.

– Брысь, – буркнул, отворачиваясь к окну.

Мальчишка выскочил из покоев, выдохнул облегченно и обрадованно перекрестился, что и в этот раз пронесло: не побоями, а бранным словом отделался. Оглянулся воровато и выпотрошил оставшихся полкувшина, проклиная острый нюх и подозрительность брата Пяста, пока вино булькало на пути в желудок. Затем вытер рот и потащился по лестнице в погреб к виночерпию за новым кувшином, решив, что больше нераспечатанный сосуд не понесет. Черт с ним, с вином этим – лучше с целыми костями остаться. А старший хольд тайного сыска мрачно смотрел в окно, сжимая кулаки в рукавах просторного одеяния. За крепким переплетом, забраным желтоватым стеклом, виднелись гнувшиеся под порывами ветра деревья, давило низкое небо, затянутое в черноту, и только одинокий голубой просвет, каким-то чудом продравшийся сквозь тучи, застыл над светлым пятном пшеничного поля под ним. Гроза не собиралась уходить. На смену одной полосе туч ветер тащил другую, испещренную бесконечными молниями внутри клубящихся чернильных воронок. И эта другая казалась еще чернее, еще больше, и еще злее. День начался не столько ненастьем снаружи, сколько изводящей тревогой внутри. Он уже вторую неделю ждал своего посыльного из-за Скривы, впевив неподвижный взгляд в окно, и с каждым днем росло его отчаяние, выплескиваясь неудержимым гневом. О том, что лучший согладатай и соратник может исчезнуть, как и все остальные, брат Пяст старался

не думать: хватило одного раза, когда во сне привиделось окровавленное тело большеголового Уло и невыносимо прекрасное девичье лицо рядом, и когда сам очумело вопил, проснувшись в холодном поту.

Небольшие домишки переселенцев с окрестных хуторов теснились вдоль улиц, заливаемых грязными, бурлящими потоками воды, несущейся с возвышенности у крепостного вала. Дворовые постройки едва ли не лепились друг к другу, размежевываясь такими узкими проходами, что и конному не протиснуться, чтоб колени не ободрать. Полыхнет такое хозяйство пожаром по недосмотру и все – одно пепелище от слободки останется. Поэтому монастырь, отделенный от поселения широкой полосой чистого поля и стоявший ближе к берегу Скривы, чем это скопище убогих домишек, был обнесен каменной стеной в полторы сажени высотой. И острую макушку звонницы, и небольшую церквушку, скрытую за раскидистыми деревьями, и приземистые кельи монахов, и просторные покои отца настоятеля можно было разглядеть только со стен Стохода, или взобравшись на ограду самой обители. Только поглазеть на монастырь с ограды желающих не находилось: получишь арбалетную стрелу от не в меру зоркого стражника и прикопают, как собаку. И хоронят здесь мелко. То ли монастырскому люду лень утруждаться, то ли нарочно, чтобы паводком из земли вымыло, да к Янтарному морю на корм рыбам несло.

Приблизившийся к обители путник не собирался лезть через стену, направив лошадь, вздрагивающую всем телом после жуткой переправы, прямо к воротам монастыря. Оттянул тяжелое било с кольцом и отпустил со всего маха на железо пластины.

– Вот угощу сейчас стрелой, так и руки отсохнут греметь! – тут же заорал кто-то из-за ворот охрипшим голосом.

Путник растянул губы в усмешке и вновь громыхнул кольцом. Лязгнул запор и тяжелые створки распахнулись вместе с порывом ветра, выволокли за собой двух стражников, вцепившихся в железные скобы. Воины скользили сапогами в вязкой глине, отчаянно ругались, пытаясь совладать с ветром, ливнем и мокрым деревом. Третий стоял в проходе, широко расставив ноги, целился одной рукой из арбалета, прикрыв глаза на бородатом лице от хлещущего дождя второй ладонью.

– Ну! – рявкнул он. – Если просто обсохнуть решил, так прямо и говори. Мы тебя, гость дорогой, кулаками и приветим. А если слово нужное настоятелю принес, так ярлык показывай.

– Слово, – отозвался путник.

Он швырнул в мокрую ладонь ближнего стражника полоску кожи. Тот отпустил свою половину ворот, взгляделся в оттиск печати, заглянул гостю под капюшон и бросился к старшине стражи.

– Этот, которого брат Пяст в окно вторую неделю высматривает.

– Проводи.

Он вскинул арбалет на плечо, посторонился, едва не угодив в глубокую лужу, но удержался на скользком краю. Вполголоса чертыхнулся и махнул верховому, чтобы проезжал внутрь. Лошадь зашлепала копытами, с каждым шагом окатывая его по пояс грязными брызгами. Второй стражник справился с воротами, отмыл от глины сапоги в луже поменьше и подошел ближе, встав за спиной.

– Что ж за гость такой, что брат Пяст всех монахов в ожидании затиранил? – спросил он.

– Кто его знает, – пожал плечами старший. – Может, теперь хоть съедут вместе куда подальше.

– И нам спокойнее, – усмехнулся воин, осматривая ладонь. – Надо же, заноза.

Он сунул ладонь в рот, нащупал кончик зубами, дернул, сплюнул три раза через плечо и пососал ранку.

– В караульной не сиди, кости не бросай, – сказал недовольно. – Вино запретил.

– Ты о ком? – повернул к нему голову старший.
– О настоятеле.
– Ничего. Съедут – опять заживем. Ворота запер?
– Ну, запер.
– Проверь еще раз.
– Зачем это, – удивился стражник, вытянувшись лицом.
– Проверь, говорю, – обозлился тот.
– Ну, вот, – воин поплелся обратно. – Заразное это у брата Пяста.
– Что?
– Злоба, говорю, заразная, – пробурчал в ответ.
– Болтлив стал не в меру. Вот уедут, а я тебя без хмельного все одно оставлю, чтоб о службе думал, а не языком молол. Кого тогда винить станешь?
– Так я что, – заюлил стражник, – я ничего. Службу исправно несу.
– Несет он, – ухмыльнулся старший. – Пока со скамьи ногой не сбросишь, так о службе и не вспомнит. Вино только лакать горазд. Уж возьмусь за тебя. Помяни мое слово. Ведро неси. Лужу вычерпывать будешь – ни пройти ни проехать!

Буслай повернул голову, бросив исподтишка короткий взгляд на запертый вход в обитель. Мокрый, как бобровый хвост, он топтался под торговым навесом недалеко от Южной башни Стохода, раздумывая, как привлечь внимание старшего стражника, распекавшего караульных у ворот, но Махота сам заметил паромщика. Бросив какой-то резкий приказ своим воинам, он нахлобучил шлем на голову, чтобы хоть немного прикрыться от хлещущего дождя, и быстрым шагом приблизился к нему. Остановился, недовольно дернув могучим плечом.

– Ну? – процедил сквозь зубы.
Паромщик проглотил приготовленный вопрос о прошлом вознаграждении и сказал:
– Гость чудной через Скриву переправился. И в обитель сразу.
– Что ж в нем такого странного увидел?
– Берест, как его ярлык рассмотрел и понюхал, так в лице изменился. Сразу Зыбе сказал, чтоб пропустил.
– Значит, самого корта печать?
– Старшему заставы виднее.
– Так куда, говоришь, его понесло с переправы?
– В монастырь.
– Может, святым мощам поклониться?
– Не-а. Доски для писцов в мешке вез к отцу настоятелю.
– У Мураша свои закончились?
– Сам так сказал.
– А в монастыре брат Пяст.
– Так он там уже две недели торчит.
– Не видел, говоришь, его ни разу?
– Такого разве забудешь. Голова тыквой сверху, а подбородок снизу, как обструганный. На локоть повыше меня будет. Силен, зараза. Как канат лопнул, так он лошадь, что в стремнину с парома волной сбросило, за копыта удержал и назад втянул вместе с мешком. Нет там никаких досок. Другое там.
– Что?

– Решту показалось, что девку он в мешке прячет.

Махота позеленел, вспомнив, как говорили ему, что та тоненькая, как тростинка, девчушка, позабавиться с которой помешала Томила, и которую пырнул ножом, бросив подыхать на обочине, выжила. Узнает корт о его оплошности, так на воинском дворе перед всей стра-

жей плетью спину до костей исполосует, чтобы рука в другой раз не дрогнула. Надо было бы сегодня же и исправить эту досадную оплошность, так с крепостного двора еще неделю и шага не сделать. Задолжал он корту за свою неудачную поездку в Герсику. Скрипнул зубами.

– Какую девку?

– Откуда ж мне знать, – развел руками паромщик.

– Ну и ладно.

Он полез пальцами в кошель, рылся в нем на ощупь, пока не подцепил среди серебра медяк.

– Придется присмотреть, чтобы всякая зараза по городу от него не расплзлась. А ты иди. Если обратно за Скриву потащится, то стрелой ко мне. Пошупаем твоего незнакомца.

Сунул медяк Буслаю в руку. Тот скривился.

– Ну что еще? – наморщил лоб Махота, увидев вопросительное выражение лица паромщика.

– Что ж он за мешок свой так печется, что чуть не утоп? Все за него держался, пока со старшим заставы языком чесал.

– Выходит, языком чесать надо меньше! – вдруг рассвирепел стражник и пошел, не оглядываясь, к воротам Южной башни.

Буслай хмыкнул и выплюнул на ладонь серебряный, доставшийся от уродливого гостя. Презрительно прищурился в спину Махоте и проворчал:

– Чтоб тебе лопнуть от жадности.

– Брат Пяст, – позвал монах, просунув губы в щель приоткрытой двери.

– Что там? – бросил тот через плечо, не отрывая взгляда от окна.

– Приехал, – радостно выдохнул балахонник, протискиваясь в келью. – Уло, говорит, его кличут.

Старший хольд тайного сыска размахнулся и врезал кулаком в деревянный переплет рамы. Служка присел от страха, а брат Пяст недоверчиво обернулся. Он всегда гордился своим острым зрением и знал, что не мог бы пропустить и собаку на дороге от переправы в монастырь, даже в такую грозу.

– Я никого не видел, – процедил сквозь зубы, наливаясь злобой.

– Снесло их, – заторопился монах, который тоже мечтал о скором отъезде столь мерзкого гостя. – Канат лопнул. Паромщики из стремнины насилу выбрались. Чудом уцелели. С другой стороны обители к воротам добрался.

Брат Пяст вздохнул, глянул на распятие в углу, но рук из рукавов не вытащил. Оттер монаха плечом от двери и широким шагом двинулся мимо келий. У входной двери стоял высокий, насквозь мокрый гость с таким огромным дорожным мешком на плече, словно от ствола дерева кусок отпилил и внутрь затолкал. Наклонив голову к низкорослому монаху, молча выслушал его причитания по поводу воды и глины, которыми тот собирался измазать натертые до блеска каменные плиты пола. Затем просто отодвинул его в сторону и направился к брату Пясту, оставляя за собой грязные шлепки сандалий.

– Одно слово, – хольд дрожал от нетерпения. – Одно слово прежде, чем ты расскажешь мне все.

– Да, – коротко ответил гость, бросая на пол мешок.

Во дворе загремела цепь, донесся осатанелый собачий брех, а следом пронзительный вопль:

– Куда льешь?! Вот спущу псов! За стену таскай свое ведро!

Уло скрипнул зубами – собак он ненавидел.

Брат Пяст едва не приплясывал от нетерпения, скалился такой широкой улыбкой, что и за две недели ни разу и подобия ее на морщинистом лице монахи не видели. Слуга подхва-

тил с пола мешок. Тяжелая рука сжала его локоть. Он опустил взгляд, втянул голову в плечи, ожидая оплеухи.

– Не тронь, – тихо сказал гость, скользнув пальцами к рукояти меча на поясе. – Сам понесу.

– Иди сюда, – брат Пяст ухватил служку за ухо, дернул так, что у того брызнули слезы. – Воды горячей, еды обильной, да вина лучшего. Предупреди, если не понравится, то повара с виночерпием гость самолично накормит и напоит. Так, Уло?

Мокрый и закоченевший гость поклонился и с благодарностью кивнул на заботу. Он всегда помнил, что хольд, когда еще был обычным послушником, и стоял с монастырским ящиком для подаваний на краю торговой площади Герсики, где начиналась улица Землекопов, то всегда покровительствовал маленькому головастику Уло, раздавая тумачи мальчикам постарше, чтобы не отобрали украденный у зазевавшегося покупателя медяк. И Уло, которого родила и бросила под забором никому неизвестная гулящая девка, тоже старался что-то сделать для парня, что тащился из дальнего монастыря на площадь в любую погоду. Приходил тот со своим ящиком, припрятав за пазухой краюху мокрого хлеба, пропитанную жиром копченой рыбы, ждал, отбиваясь ногой от бродячих собак, которые бесстрашно лезли под подол балахона, только что сандалии не грызли. Тогда мальчишка, тощий и вечно голодный, мчался к нему и, мгновенно проглатывал протянутую краюху, пока псы не сбили в грязь и не выхватили хлеб. Слизнув последние крошки с ладони, он садился рядом и неторопливо рассказывал все слухи и сплетни. Потом, прищурив один глаз, выкладывал то, что видел и слышал сам. Знал он много – маленького Уло никто не считал опасным и не придавал значения его присутствию ни в тайных убежищах наемных убийц в старых постройках рядом с улицей Могильщиков, ни в воровских притонах у Гостевой башни. Даже самые отъявленные злодеи, что готовы были лишить путника жизни за стоптанные башмаки на дороге в Стоход или Вилоню, не обращали на него внимания.

– Все, – он поднимался и добавлял всегда один и тот же вопрос: «Завтра ждать?».

Уло вырос. Голодное детство не прошло для него даром. Хотя и вымахал высоким и широкоплечим среди местной мелкоты – ходили среди охочих девок в Герсике слухи, что мать его путалась с рыжебородыми северными разбойниками – но так и остался большеголовым, уродливым на лицо и таким костлявым и жилистым, что любая одежда болталась на нем, как на пугале в хуторском огороде. Возвысился и послушник. Просил ли Уло о чем-нибудь Пяста, ставшего хольдом? Никогда и язык не шевельнулся. Принимал, как должное – слово за хлеб. Потом, повзрослев, брал за слово медью. Затем слово стало делом. Уло был приметным, но незаменимым, и брат Пяст, подмяв под себя тайный сыск, не стал скупиться на серебро.

– Оставалось только ждать.

– Ждать, – едва слышно пробормотал брат Пяст. – Устал я ждать. Едва не рехнулся.

– Никак одно на другое не нанизывалось, и след все не всплывал. Случай помог.

– У тебя случайностей не бывает, – убежденно произнес хольд, пододвигая к нему глубокую сковороду с тушеным мясом, булькающим в собственном жиру. – Верный след ты унюхал, вот он и открылся.

Уло подвинул скамью ближе к столу, уселся, сглотнул слюну, потянулся к мясу, рылся пальцами в кусках, выбирая, где мослы потолще да жира больше. Потом просто поставил всю сковороду перед собой, отломил от краюхи хлеба кусок, макнул в жир и обвел взглядом келью.

– Нет тут ушей, – твердо сказал брат Пяст. – Говори свободно.

Большеголовый Уло кивнул, но молчал, рвал мясо крепкими зубами, увлеченно гремел костью о столешницу, выбивая из желтых осколков мозг. Не любил он пространных разговоров. Слушать привык и действовать. Думать и размышлять умел, как и размышлял меньше часа назад, едва втиснув длинное и костлявое тело в лохань с горячей водой. Закрыв глаза

от удовольствия, чувствуя, как тепло поползло внутрь. Задумался, катал в голове прошедшие дни, размышлял все ли сделал правильно, не оставил ли сам за собой след, распутывая чужой. Чудную задачу ему брат Пяст подкинул. Думал за пару дней управиться с плевым делом, а оно вон – на месяцы растянулось, а отпущенное ему время неумолимо таяло. Вот тогда он забеспокоился по-настоящему. Отираться на торжищах и постоянных дворах, выуживая нужные сведения по крупицам из хмельных разговоров, сам он не мог – уж больно приметный уродился. Нищим по улицам слоняться? Так на странные вопросы могут и ножом в темном переулке под ребро ответить, и бродяжничать без ярлыка с дозволом сартова стража не даст. Тогда-то он и наполнил кошель серебром, пришел в харчевню на улице Могильщиков к карлику Желыбе, с которым знался с малолетства. Тряхнул серебром, шепнул пару слов в чуткое ухо и тогда к нему зачастили ночные гости. Молча выслушивали указания и так же молча растворялись в темноте. Одни охотники за дармовым серебром приходили вновь, выкладывали, что удалось разнюхать и уходили, спрятав половину куны за щекой, другие не возвращались вовсе. Потом поток разбойничьих рож и добропорядочных внешне слуг сарта Некраса иссяк, не принеся ничего, кроме осознания зря потраченного времени. Однако Уло не привык сдаваться. Оставалось только терпеливо сидеть пауком над горстью серебра, которая не уменьшилась и на четверть, раскинув ловчую сеть и испытывая терпение брата Пяста. Вот тогда и пришел сам Желыба, взобрался на скамью с ногами, потирал бритую голову, опустошая один кувшин вина за другим, сокрушался, что помочь не смог, а он едва на волоске удержал глгучее желание разбить все эти кувшины – или разом, или поочередно, но все, как один непременно! – о голый череп карлика. Уже прощаясь, покачиваясь от выпитого, тыкаясь лбом в живот Уло, непрерывно икая и кривясь в хмельных гримасах, он поведал одну занятную историю о безвременно почившей в своей келье молоденькой монахине, которую в Гнезно ни один могильщик схоронить не взялся. Свиток, говорил заплетающимся языком, у нее в келье нашли, а там... Друг ты мне, пьяно всхлипывал в дверях, не хотел говорить, мол, проклятый этот свиток, даже сжечь не смогли, как монашку на дрова в костре бросили. Назавтра в келье его обратно и нашли. Пятнышка сажи на нем не осталось. Замуровали. Не ищи те слова, что найти хочешь – пропадешь. И серебра мне не надо. Хлопнул дверью и потащился в темноту переулков Герсики, держась за стены. Набрехал тогда с три короба Желыба, ублюдок этакий. Никто о такой монашке и не слышал нигде. Потом уже узнал. Так какой с хмельного спрос? Сам брехал и сам же верил, что правду говорит, и Уло от беды уберечь старался. Но Гнезно занозой засело в мозгу, шевелилось, покалывало. И не зря, как оказалось.

– В Герсике ничего от следа не осталось, – заговорил он наконец. – Слышал, что у матери Некраса было какое-то тайное хранилище древних свитков. Может быть, у самого сарта и осталось что-то глубоко запрятанное, так не говорит никому и найти не удалось. Мать-то свою он собственноручно жизни лишил.

– Мальчишкой я был в те времена, а ты на полу под ногами охочих девок по пролитому вину ползал и слюни пускал, – ухмыльнулся брат Пяст.

Уло потянулся к кувшину с вином. Не нравились ему такие сравнения, хоть и старший товарищ их произносил. Бросил тот как-то брезгливо, что, мол, это у породистой суки хвост поджат, чтобы не вскочил никто, а у безродной всегда торчком. И точно таким же тоном брат Пяст частенько говорил ему, что мать из охочих девок не стоит того, чтобы о ней думать. Тем более, искать. Не из знати ведь была, иначе бы под монастырские двери подбросила, а не в канаве подыхать кинула. И Уло запил кольнувшую сердце обиду, осушив глиняный сосуд до дна.

– По всей Герсике искал?

– Искал, – хмуро кивнул он. – По купцам ходил, по разбойникам, по отшельникам. Клич тайный бросал. Награду предлагал за весть, за шепот какой, хоть за полслова. Одного боялся,

если знающий человек сразу не всплыл, так может и притаиться в каком убежище, да так, что никому вовек не найти. Вот так в Гнезно и отправился.

– Почему в Гнезно? – опешил брат Пяст. – Где мы и где Гнезно?

– Когда стал искать у кого на сарта Некраса такой зуб отрос, что не испугается рот открыть и сказать об этом. Пусть бы и на свитке пером черкнуть.

– У меня. У отца Тримира, – процедил тот и вдруг дернулся, хлопнул себя по лбу. – Болеслав!

– Он самый, – Уло вцепился зубами в кусок мяса, прошепелявил с набитым ртом: – Пришлось на ляшскую сторону отправиться. А там уже и пошло нанизываться одно на другое. Всплыл след.

– Почему вестей о себе не присылал?

– Следят там за всеми зорко. Нунций за Болеславом, Болеслав за стражей, стража за монахами, а те за паствой, – Уло вытер скользкий от жира подбородок и похлопал себя по макушке, такой же большой, как и сковорода на столе перед ним. – А мне за собой бы уследить.

– Надо было за помощью гонца отправить.

Уло пожал плечами. Он всегда следовал непреложному правилу – обходиться в дороге самым малым и своими силами. Само собой, настоятель в любом монастыре, взглянув на ярлык с печатью отца Тримира, снабдил бы его всем необходимым, лишь бы тот поскорее убрался подобра-поздорову, но тайный сыск на то и тайный, что открытая помощь, бывает, и не к добру оборачивается. Да и лишних глаз и ушей в монастырях полно, а завязанное молча и в темноте всегда крепче, потому что узел тот никто и не видел, и не слышал о нем. Всунь сейчас кто посторонний нос в этот тюк, что истекал водой на камнях пола, и весь хитроумный план брата Пяста псу под хвост.

– Ну? – поторопил тот.

Уло вздохнул, скривился и стал рассказывать, изредка прерываясь, чтобы подхватить со сковороды очередной кусок мяса и глотнуть из кувшина. Поведал, как побывал и в Турье, и в Вилоне, а потом вместо того, чтобы вернуться в Герсику, отправился в Гнезно. Потом перешел к главному. Брат Пяст слушал с едва заметной улыбкой и кивал каким-то собственным мыслям. Он всегда удивлялся жадному аппетиту Уло, который брал пищу руками, чавкал, сопел, булькал, громко отрывал и никогда не забывая помянуть Создателя словами благодарности. Неожиданно он заскрипел зубами и грохнул кулаком по столу так, что загремела посуда.

– погоди, – грозно сдвинул брови. – Так тот свиток сгинул?

– Кто его знает, – помрачнел Уло.

– Пусть так. Говорят, выносило в старые времена на берег Волмы всякое. Теперь такого нет. Сгинул, так появится где-нибудь, а нам и этого хватит. Очень надеюсь, что хватит.

Уло перестал жевать, скосил глаз в наливающееся бардовым лицо старшего тайного сыск и сказал осторожно:

– Нельзя отыскать то, чего больше нет. Настоящий я так и не нашел, хоть на сто верст вокруг Гнезно все кладбища обшарил своими руками, обнюхал да ощупал. И вот человека, что с него загогулину в загогулину все на другой свиток перенес – отрыл.

Брат Пяст молчал, выстукивал костяшками по столу, прижав другой ладонью дергающийся глаз.

– Каждого опросил. Кого с хмельным обхаживал, кто на серебро польстился, а кого и... – Уло сжал кулаки, заторопился со словами, – с камнем на шее в омут пришлось, чтобы разговор над водой не поднялся. Все, что достал, в мешке. Усохло, правда, тело, сломалось местами, а сломанный меч из пальцев не вырвать, будто не одна рука, а две его держат. Он это. Точно. И по лезвию птицы чеканены, и ржа их не взяла, и слова на рукояти те, что искали.

– Никто лучше тебя бы не справился, – хольд укротил гнев и наморщил лоб, увидев перед собой встревоженное лицо Уло. – Не то плохо, что настоящего свитка нет, а то, что на поданный знак могут другие откликнуться.

– Теперь-то что?

– Девка здесь нужна. Знак подать. Молодая, до смерти обиженная, да так, чтоб голову в петлю готова сунуть, но, смотри, чтобы и стражей не тронутая.

– Найду, но сама ж не пойдет.

– Заставим!

– По доброй воле должна. Иначе никак.

– Старуху одну я тут присмотрел за эти дни, пока тебя в окно выглядывал. Удивился еще, что ярлык с дозволом на ворожбу от корта Стохода имеет. Разузнал о ней. Завистники все выложили, словно подноготную получил. Вот она и привадит к девке порчу. Такую, что та сама побежит к Волме снимать чужой приворот.

Уло подергал себя за ухо, будто вдруг хуже слышать стал, и передернулся всем телом.

– Ворожея? Такую уговори попробуй. Опутает наговором каким – не вырвешься из ее паутины.

– Убеди, – ухмыльнулся брат Пяст. – В одну ладонь серебро, во вторую кочергу раскаленную. Вот увидишь, как быстро выберет твою сторону. Еще как выберет и вприпрыжку за тобой бежать станет. Насмотрелся я на них в пыточной.

– Ничего не боюсь, – буркнул Уло, – а вот ведьмы такие до дрожи пугают.

– Неделю ей дай, – понизил голос собеседник, – и следи за всеми. За старухой, за девкой, за берегом.

Уло почесал затылок, вздохнул, резко встал, заходил по келье, а брат Пяст полез в кошель, вытянул серебряный, постучал им по столу.

– Сомневаешься?

Тот отвернулся, будто взглядом с хольдом страшился встретиться.

– Не думаю, что она придет. Дозор их на поданный знак откликнется. Ей то зачем идти?

– За телом. Откуда она узнает, что свиток не тот?

– Сделаю, что смогу, – Уло обернулся. – А не получится, значит, смерть помешала задуманное до конца довести. Как ведьму эту мерзкую кличут?

– Шепетуха. Мешок с телом ей занеси. Скажешь, неделя ей срок. Не выполнит наказ, – брат Пяст стиснул в кулаке кусок мяса, брызнув жиром. – Умолять будет, чтобы на костер поскорее отправил.

– Много их там за Волмой?

– Неужели испугался?

– Боюсь, как бы Герсика не треснула от их нашествия. Ночами теперь и на торговом тракте небезопасно показаться. А как навьи придут, так и вовсе за стену нос не высунешь. Хотя, что для них стены...

– Как придут, так и обратно сгинут, – брат Пяст ухмыльнулся и вытер ладонь. – Один раз они уже ушли. С чего бы им опять возвращаться на эти земли? Отомстят, конечно, за свою девку сарту Некрасу, да и дело с концом. Главное, чтобы тот дверь в тайные подземелья не захлопнул и сам не сбежал. Но за этим мы с тобой проследим.

И хольд вспомнил, как торопился в Герсику из обители Святого Орма, подгоняемый в спину ревущей бурей. Закрыв лицо рукавицей от секущего по щекам ледяного крошева, вновь и вновь думал о словах повелительницы Анлора, сказанных ему несколько лет назад, а и до сих пор не покинувших уши. «Ястреб не клюет хлебные крошки, – скупой улыбнулась тогда янгала Дарьяна, окатив брата Пяста волной презрения из синих, как море, глаз. – Зачем навьям чужие мертвецы? Своих девать некуда. Не страшись. Сделаешь все верно – подвинешь Тримира и сартом в Герсике сядешь. А не сумеешь...». Всю оставшуюся жизнь он будет пом-

нить ее сжатый кулак на рукояти клинка и ту зловещую улыбку, что исказила тонкие черты зачаровывающего своей красотой лица, и те холодные пальцы воинов ее свиты, которые сняли петлю с его шеи.

– Как старуха все выполнит, то мешок обратно заberi. Скажу, куда потом отвезти, – он сглотнул и непроизвольно потер шею. – Понял?

Уло кивнул головой.

Глава 2

Ветер шелестел за окошком, скребся ветвями старой груши о стену, а где-то в полутьме редкими, раздражающими шлепками падали капли, просачиваясь сквозь подгнившую драпку. Лагода подняла глаза вверх, попробовала разглядеть между почерневших от времени балок перекрытия место, где дождь нашел лазейку, но ничего нового, кроме паутины в углу, увидеть не смогла. Подумала отрешенно, что завтра утром найдет мокрое место на полу и заделает прохудившуюся крышу, если сумеет. Она смочила лоскут ткани в настое лесных трав, что выменяла у Вереи-травницы на беличью шкурку, и обтерла тело. Пожевала кусочек липового угля с веточкой можжевельника и сполоснула рот. Затем передвинула на скамье дубовую лохань ближе к свету от масляной плошки. Всмотрелась в воду, которая в этой убогой каморке на чердаке только летом не покрывалась звонкой пленкой льда. Их дом, хоть и заметно со стороны клонившийся от старости на один бок, был еще крепкой постройкой с высокой крышей, не то, что многие хаты в слободке, крытые дерном. Она была рада, что не приходится ютиться в одной комнатке с многочисленными родичами, где постоянно хнычут младенцы и во всех углах ворочаются, стонут, кашляют, чихают и сопят их родители и деды. Однако Лагода лукавила перед собой. Никакой родни, кроме отца у нее больше не было, и, положив руку на сердце, в глубине души она готова была признать, что лучше в тесноте большой семьи, чем в одиночестве.

Отражение ответило ей грустным взглядом: осунувшееся, худощавое лицо с едва заметным с левой стороны – это если голову чуть вправо повернуть – уродливым рубцом от виска до скулы. Она скрипнула зубами от нахлынувшей ненависти. Прошлой весной стражник Томила, хозяйки покоев корта Стохода, чуть не выстегнул ей глаз, хлестнув кнутом, когда кинулась к ней на дороге попроситься служанкой. Какой черт ее дернул тогда сделать шаг через обочину? Пересидела бы в кустах, пока проедут. Так нет же. Сквозь молодую листву Томила показалась Лагоде настолько привлекательной, что у нее помутнело в глазах. Или помутнело оттого, что она сравнила свою худую одежонку с ее добротным платьем? Тогда этот внезапный порыв закончился для нее жутко...

– Куда прешь, сучье вымя?

Ближний к ней верховой выпростал ногу из стремени и попытался ударить ее ногой в лицо. Она увернулась, но тот оказался еще проворнее, оскалился, выхватил кнут. Тонкая полоска плетеной кожи прошла по щеке, разорвала кожу до кости, заставив завопить от пронизывающей боли и упасть на колени. Высокий и грузный стражник неторопливо спешил, вздернул ее за волосы из грязи и повернул окровавленным лицом к остальным.

– Вот ведь дрянь, – удивленно хмыкнул он, встряхивая ее, как пушинку. – Резвая. Я мог бы ее прикончить сразу, но подумал, что тебе, госпожа, может быть интересно послушать, зачем она лезла под копыта. Прибить всегда успею.

Томила наклонилась из седла, безглаголиво рассмотрела кровь, заливающую воротник рубахи.

– Брось ее, – процедила презрительно. – Едем.

– Пощупай, Махота, – гыкнул второй здоровяк стражник, ерзая в седле. – Может, правная девка. Только по-быстрому. Догонишь.

– Ага, – тот запустил руку за пазуху извивающейся Лагоде, ощерился довольно, засопел. – Тошная уж больно на мой вкус, но сойдет.

– Тебе каждая сойдет.

– Эх, – хохотнул, наматывая ее волосы на кулак, – каждая. Лишь бы не старуха дряхлая. Она, изловчившись, вцепилась зубами ему в кисть, остро воняющую лошадиным потом.

– Ах ты, мразь, – он отдернул прокушенную ладонь, выхватил нож и кольнул ее в бок.

Вырывающуюся и орущую от боли и унижения, Махота потащил ее обратно через обочину. С треском рванул на ней рубаху, разодрав старую одежду до пояса.

– Оглох? – хлестнул сзади раздраженный голос Томилы.

– Нет, госпожа, – тут же отозвался Махота.

Он отпустил ее, резко вогнал лезвие ножа под ребра и тяжелым ударом в скулу отбросил с дороги.

– Да и черт с тобой, – прошипел злобно, пряча нож, плюнул и пошел к своей лошади, фыркающей от запаха свежей крови. – Да, госпожа. Едем.

Лагоде повезло, что дед Перко, возвращаясь по темноте из Вилони, расслышал слабые стоны, уложил в телегу и успел довести едва живую до лекаря. Старый костоправ Лиховид, цокая языком от удивления, что не померла у него под руками, тогда зашил ей бок и лицо, взяв за труды непомерную плату: как оклемалась слегка, так лисицу принесла и два месяца крутилась кухаркой. Еще помогала отправлять на тот свет шибко раненых, которые имели несчастье оказаться в хате лекаря, и перевязывала увечных, пострадавших в драках. С утра до ночи убирала двор и хату, только что не вылизывала каждую трещинку в старых досках лавок и натирала их воском, получая вместо благодарности одни пинки. Еще и губы недовольно кривил старый хрыч, напоминая, что если бы не его мастерство, то ходила бы она всю жизнь с рваной мордой, а так совсем не плохо получилось, почти и не видно ничего будет со временем. А бок? Кому он нужен, твой бок...

Она знала, что шрам очень даже заметен: рваный, жесткий, отливающий синевой при дневном свете. Кто ж станет смотреть на мягкий подбородок, нежные губы и светлые глаза, запустит пальцы в блестящие густые волосы. Однако она всегда старалась уверить себя, что когда-нибудь перед взглядом того самого, единственного, суженого, на первом месте окажется ее гладкая кожа, гармоничные черты лица, стройное тело и ласковый взгляд, а не уродливый рубец меченой девки, сторонящейся вечерних гульбищ и посиделок.

Она провела рукой по лбу и устало вздохнула. Светлые глаза на бледном лице наполнились тоской. Вместе с порывистой доверчивостью и скромностью, кнут стражника выбил из нее и девичью застенчивость. За этот год Лагода стала способной и на жестокие поступки, училась претерпеть любые насмешки без отчаяния и не порадовать мучителей воплем ярости. Раньше она умела выслушать, была молчалива и вежлива. Сейчас же, одержимая мыслями о мести, она постепенно превращалась в хитрого и изворотливого зверя, в котором только случайно могла проскользнуть и прежняя доверчивость. Старые привычки она старалась истребить одиночеством, однако бывало и срывалась, готовая без оглядки прильнуть к ласковому слову, обжигалась в который раз и вновь цепляла на душу замок. Получалось у нее не ахти, да и среди людей это было невозможно, но она с завидным упорством сжимала губы, игнорируя любые попытки общения с кем бы то ни было, кроме отца. Да и это теперь давалось не так-то легко: большую часть времени тот проводил на постоянных дворах, наливаясь хмельным до такого свинства, что и ночевать оставался в грязи ближайшей канавы. Она со злостью разбила ладонью свое отражение, набрала в горсть воды из лохани и плеснула на себя. Затем рукавом рубахи вытерла влагу с лица застиранным полотенцем, одела грубо скроенную, но теплую рубашку и задула светильник. Завернувшись с головой в лоскутное одеяло, задышала часто, стараясь быстрее прогнать холод из своей жесткой постели, где единственно мягкой была подушка, прикрытая не куском дерюги, а заправленная в настоящую красную наволочку. Лагода смежила веки. Она любила сны, где ощущала себя в безопасности и была окружена материнской лаской. И в этих призрачных видениях, сотканных, как приданое из девичьих грез холодными ночами, ее собственное выдуманное счастье было таким близким и осязаемым, что, казалось, руку протяни, и вот оно, здесь, рядом. Но с некоторых пор заволаживающая красота снов подернулась черной жадной мести, стала пугать ее больше, чем встреченный в узком переулке Стохода похотливый стражник, и теперь она страшилась ночных видений. «К Шепетухе пойду завтра же, –

она свернулась калачиком, собирая крохи тепла в одно место, – иначе умом тронусь. А если ворожея не поможет, то на старое капище. На теперешнего бога никакой надежды – квелый он какой-то на образах под лампадками, да и говорят монахи, что сам страдал без меры и другим велел». Откуда ей было знать, что ночь всегда идет бок о бок с чародейством, а колдовская темнота всегда самая черная перед рассветом, когда в щель приоткрытой двери протискивается нежить.

Клубящаяся пелена низких облаков, ползущая от Янтарного моря и подсвеченная с Ляшской стороны красным заходящим солнцем, цеплялась за островерхие башни Стохода. Снова стал накрапывать дождь: нудный, не по-летнему мелкий. Слобода удивила Лагодку безлюдьем, хотя хмурый день, оказавшийся для нее таким длинным, только клонился в закат. Или она, выбрав добровольное уединение, не замечала раньше, что немногочисленные улицы слободы и вовсе пустеют к вечеру. Девушка поправила на плече лук и тул со стрелами, поддержала на втором плече торбу, где лежали два только что добытых зайца, и зашлепала сандалиями по грязи к дому Шепетухи, обходя широкие лужи.

Народ нашелся за поворотом в ближний переулочек. С десяток слободских мужиков, их крикливые жонки, чумазные дети, седые старцы. Гудели ульем, обсуждая непогоду. Судачили, что Скрива вспухла от свежей воды и подбирается к общинным полям и пастбищам; что водоворот у гиблого берега Волмы растянулся до середины реки и, что побитый молнией неохватный дубовый ствол, который стянуло в грозу оползнем с обрыва, бултыхается в нем уже третий день; что урожай сгниет на корню, если завтра-послезавтра не прорыть канавы. Она постояла немного, вслушиваясь в обычную жизнь, где до нее никому нет дела, затем неторопливо пошла дальше, высматривая жилище ворожеи. В этой стороне слободы она была всего пару раз – другими путями к реке ходила – и теперь пыталась по обрывкам детской памяти найти хату, что как-то издалека показали подружки, когда они еще у нее были. Раньше она частенько бегала через слободку с молоденькими соседками искупаться в Скриве. Там, на отмели, скрытые от глаз высоким ивняком, они быстро плескались, и с визгом мчались на берег скорее одеваться, зная, что хуторские мальцы бегут вокруг поворота реки, чтоб поглазеть на голых девок. Потом сидели у мостков, смотрели, как ловят скользкого линя, вытягивая сеть, семейные мужики в подкатанных портах. Ждали, глотая слюны, пока бабы начистят свежей рыбы и забулькают в закопченном казане наваристая уха. Нянчились с малыми детьми и зубоскалили с запыхавшимися, огорошенными хлопцами, что не успели к девичьей купальне. А затем с поклоном принимали здоровенные плоские с крупными кусками рыбы, вытянув губы к деревянной ложке, хлебали обжигающее варево и жмурились от удовольствия. Бывало, когда солнце садилось, то приходил на уху кто-нибудь из седобородых старцев, и они, раскрыв рты, слушали древние предания о тех временах, когда и Стоход еще не возвели, а в этих местах жили навьи. О добрых молодцах рассказывали старики, шамкая беззубыми ртами, о прекрасных девах, великих битвах, о злых колдунах и настоящей любви. Девки постарше даже слезу пускали, сравнивая прошлую жизнь с этой. Какие сейчас молодцы? Тут бы хмельным стражникам на глаза не попасться под стенами Стохода. Еще повезет, если не прибьют до смерти, как снасильничают. А сколько порченных молодцов руки на себя накладывали – не счесть.

Она отбросила воспоминания. Теперь об ухе и мечтать не приходилось: схватит речная стража с сетью – таких плетей выпишет, что и кнут Махоты травинкой покажется. Провела рукой по торбе, проверяя, крепко ли завязана, угрюмо прислушалась к урчанию в животе и покрутила головой, выискивая нужную хату. Крохотный дворик с дровницей и пустым курятником узнала сразу, осмотрела небольшую постройку, крытую местами свежей дранкой, а местами почерневшей соломой. Когда она увидела эту крышу в первый раз, то та выглядела точно также, может, только дранки было побольше. Лагода, не раздумывая, подняла руку и решительно постучала в дверь.

– Кого там черти принесли? – отозвался на ее стук надтреснутый старческий голос.

– Шепетуха нужна, – крикнула она, справедливо полагая, что в таком возрасте люди глуховаты.

Дверь распахнулась. Дохнуло из проема воском сожженных свечей, сухой, пыльной травой, застоявшимся теплым воздухом. На пороге стояла высокая худая старуха, с острым носом, глазами навывкате и давно нечесаными всклокоченными волосами, похожими на пряди перепревшего льна. Чуть перегнувшись спиной, она смотрела на гостью, но не безжалостные годы скрутили ей поясницу, а низкая притолока заставляла пригнуть голову. Ворожея, хоть и была высохшей, как обглоданный русалками рыбий хвост, но выглядела здоровой и крепкой, и голос был ей под стать.

– Орешь зачем? – рявкнула она, почесывая бок, и окинула девку неприязненным взглядом, прищурив один глаз.

Лагода молча протянула ей зайца. Шепетуха подняла русака за задние лапы, встряхнула, безглаголиво приняухалась.

– Совсем тощий какой-то, – проскрипела недовольно. – Облезлый. Может, хворый был, или сам издох?

– Рано им еще жир нагуливать, – Лагода вздохнула. – Утром подстрелила.

– Уж и не знаю, – старуха скривилась и повторила: – Тощий. Жира ни капли нет, подгорит мясо сразу. А как черствое с моими зубами жевать? Разве это заяц? Так, зайчишка на один укус.

«Зайчишка», ухваченный за задние лапы в крепкий старческий кулак, едва не доставал передними до земли. Шепетуха тыкала ему крючковатым ногтем в брюхо, кривилась недовольно, брюзжала, что, мол, совсем хуторские совести потеряли, раз такую требу несут, а взамен ворожею им подавай, да чтоб самую что ни на есть всамделишную, а от таких зверушек только животом маяться станешь, самой потом к травнице на поклон идти придется, а той тоже косога за мелкую услугу дай. Вот, если бы два зайца, то она готова мириться и с драным мехом, и с торчащими ребрами, и даже с тем, что второго придется отдать травнице, хоть та яснотку от жгучей крапивы отличить не сможет. Старуха косила на нее хитрым взглядом, бубнила сварливо, вспоминая и хуторского кузнеца, что за простой гвоздь не в пример больше требует, и гулящую Беспуту с дальней околицы, которая каждую седмицу за любовным зельем через всю слободку тащится с пустыми руками, и...

Лагода опустила глаза, хмурилась, терпеливо ждала пока иссякнет поток причитаний. Однако, когда старая ворожея начала сыпать именами должников от самого Янтарного моря, не выдержала и снова развязала торбу. Вытащила второго зайца. Безразлично подумала, что придется сегодня снова ложиться голодной, выслушав витиеватую брань хмельного отца, который не найдет вечером горшок с мясным варевом.

– Хватит? – спросила, обрывая мнимые жалобы.

– В самый раз, девонька, в самый раз. Этот ладный, жирный, – Шепетуха тут же растянула все морщины на губах в мерзкую улыбку, показав крупные, желтые зубы, которым не только заячьи кости молоть без усилий, а и куну серебра перекусить, как пальцами щелкнуть.

– Плату за труды сразу требуешь, а зачем пришла и не спросишь, – насупилась Лагода.

– Сама же скажешь, – хихикнула старуха. – Раз второго зайца сама отдала, не артачилась, знать и беда у тебя немаленькая. Проходи, девонька, проходи. Говорить станем.

Лагода присела на низкую скамью у дверей и исподлобья смотрела, как старуха, освещенная пляшущим пламенем очага, начала перебирать многочисленные обереги, которые разноцветной вязанкой свешивались со стены. Ворожея выбрала самый тусклый из всех, и принялась натирать его рукавом рубахи, одновременно бросая какие-то корешки в булькающий на огне горшок.

– А откуда знаешь, какие амулеты надо, или приговаривать там что? – спросила она Шепетуху подозрительно.

– А откуда знахарки знают, какую траву, когда собирать, как роженицу пользоваться да хворь выгонять? – удивилась та.

– Так травницы эту науку испокон веков друг дружке передают.

– Раньше эта земля до самого Янтарного моря своим чародейством славилась, и волшеббу многие знали. А ты, думаешь, как я научилась ворожбе? Так и училась у других. Потом сама, то так попробую, то этак. А ведь с малолетства другого желала: богатства хотелось, нарядов, жениха такого, чтоб встречных девок, как увидят нас вместе, водой от зависти отливать приходилось, да деток в хате, чтоб полно было. Думала в этом счастье и есть.

– Разве не в этом?

– Ну, – протянула Шепетуха, размешивая свое варево. – Счастье-то с подвохом мне досталось. Жених из-под Лани быстро нашелся, застили его родичи глаза отцу подарками, вот и просватали, не глядя. Да не такой оказался, как мечталось – росточком всего в три локтя, плюгавый, скупой, а вот кулаки, как копыта у лошади. Не бил – убивал каждый день. Чуть все кости не переломал. Как жива осталась и самой не ведомо. Услышал Господь мои молитвы. Придавил его кто-то вскорости по хмельному делу в харчевне за горсть медяков в кошеле, а меня родичи со двора выбросили помирать, как собаку, потерявшую зубы. А деток Господь потом так и не дал – повредил внутри что-то этот ерпыль, чтоб ему век в могиле ворочаться. Ты же, девонька, не такого себе желаешь?

Лагода уставилась в пол, пряча глаза. Боялась, как бы старая со своей прозорливостью не только мечты о суженом в них увидела, но и застарелую ненависть и к стражнику Махоте, и к самой Томиле не разглядела, не почувствовала, что со временем та никуда не делась, не покрылась пеплом на сгоревшем полене, а только росла, дожидаясь своего часа. Что ей стоит донести? Вон, только кликни соглядатаев, так и сволокут в пыточную, где и снасильничают всей стражей, прежде, чем палачу отдадут.

– Не страшись, – старуха кинула на нее пристальный взгляд. – Одно помни – коли извести кого собралась, так придется и себе могилу рыть. Такая ворожба добром еще никогда не заканчивалась.

– Как догадалась? – хмуро спросила Лагода.

– Сорока на хвосте принесла, – Шепетуха наморщила лоб. – Неужто сил хватит?

– Куда мне, – Лагода притворно вздохнула. – К ним не подберешься. Утихло внутри давно. Забылось.

Ворожея задумалась, пожевала губами и с сомнением посмотрела на нее через плечо.

– Ты мне не лги, девонька. Я ж насквозь всех вижу. Не за сочувствием ты пришла. Сердце спроси и выбери, чего больше хочешь. Только одно выбирай. Второй раз тебя и слушать не стану. Донести в Стоход обязана. Понимаешь? Думаешь, мне так просто дозвол на ворожбу с печатью корта получить удалось? Знала бы – на порог не пустила. Мне не тебя жаль, а всех девок в округе, которых сартова стража тиранит. Поэтому помочь попробую. Выбирай.

Лагода молчала. Не верилось ей, что ненависть сама выветрится из сердца и в доброту обратится. Если не дать ей выхода, то она будет накапливаться, расти, словно покотившийся с горы снежный ком, превращаясь у подножия горы во всепоглощающую лавину. Никакой лекарь не поможет такому сердцу, ни одна травница не отпоит его отваром – только ворожея может помочь, подбросив в тлеющие угли дровишек, чтобы или пламя вспыхнуло, или сожгло дотла. Придя сюда она надеялась, что этот непростой выбор сделают за нее, а оказалось, что она сделала его сама, еще тогда, когда очнулась на скамье у лекаря Лиховида, сжимавшего окровавленными пальцами края ее раны на боку.

– Не надо мне счастья, – горько прошептала Лагода и подняла глаза, наполненные безысходностью. – Может, когда и встречу его, если жива останусь.

– Забудь все, что здесь увидишь, и дорогу ко мне забудь, а еще лучше язык откуси. Сорвется с него хоть слово, так не на землю свалится – веревкой на шею обеим упадет.

– От петли сбежать можно, – она сжала губы.

– Куда ж от нее сбежишь, если она сейчас на шее у каждой? Слышала я, что Махота из Герсики вернулся. Бешеный. Чертом копытами бьет. Не взял его сарт Некрас на службу – своих псов хватает. Томила, так та приглянулась, а этого выродка обратно отослал, – сокрушенно скривилась старуха. – Увидит тебя – второй раз рука не дрогнет.

– Ты знаешь, что делать? – Лагода передернулась и потерла рубец.

Старуха мотнула головой на дверь:

– Щеколду накинй и рубаху с портами снимай. Бросай туда, на пол под скамью. Быстро. Нагая за стол садись.

Лагода не стала уточнять у Шепетуки, как правильно и в каком порядке выполнять ее указания. Сделала, как поняла. Поморщилась, когда старуха больно сжала сухими пальцами ее небольшую грудь, ткнула в ребра, помяла бедро.

– Что ж мяса на костях не нарастила? – спросила ворожея кислым голосом. – Тоже мне девка на выданье. Ребра, будто рубель. Белье тобой отжимать впору. Голодаешь небось, а мне зайчишек тащишь. Одного обратно заберешь, как уходить станешь.

Она стремительно покраснела и прикрыла грудь, а старуха придвинула к ней пустую хлебальную чашу.

– Сюда смотри. Руки убери, да лицо вбок не отворачивай. Видеть тебя должны, как есть такую и должны.

– Кто? – испуганно выдохнула Лагода и еще крепче прижала ладони к груди.

– Узнаешь. Им твое увечье, что волку свежее мясо, – хихикнула Шепетука и прикрикнула: – Руки-то убери, чай, не монастырская девка.

Лагода покорно положила ладони на колени, сидела с пунцовыми щеками, краснее цветущего мака, и рассматривала царапины на дне пустой посуды, пока старуха суетливо бегала из угла в угол, перебирая вязанки засушенных гадов, вороха веревочных петель, с повисшими на узелках оберегами, и пучки корней, с торчащими из них странными предметами. Наконец она выбрала нужную вещь, похожую на пряжку от пояса, только такую старую и позеленевшую, словно та лет сто в сырой земле лежала.

– Смотри, не отворачивайся! – заорала ворожея на Лагodu, у которой уже стало мельтешишь в глазах, и бросила пряжку в чашу.

Она присела рядом, забубнила хриплым шепотом наговор и стала понемногу лить сверху дождевую воду, собранную в грозу. Когда кувшин почти опустел, а пряжка так и осталась сухой, словно насмехаясь над Шепетухой, у Лагоды начали слезиться глаза. Она моргнула, смахнула покотившуюся по щеке каплю, и старуха зашипела от злости, встала, принесла еще один кувшин.

– Крови просят. Неужто им мало за столько лет нацедили? – она покачала головой и посмотрела на Лагodu. – Не дрожи, много не надо.

Ворожба ничего не давала. Ни с амулетом, который она топила в чаше, постоянно подливая туда из пузатого глиняного кувшина, ни с крупными каплями крови, что выдавила из пальца Лагоды, полоснув по нему лезвием ножа, даже сожженная над свечой прядь светлых волос не возымела никакого действия. Напрасно Шепетука переставляла масляные площадки с места на место, искала что-то в потрескавшихся от старости торбах, ощупывая на них каждый шов, словно вынюхивала забытый медяк. Пряжка впитывала жидкость, как кусок старого войлока, и лежала на дне чаши неподвижным зеленоватым сгустком, проглотив уже два кувшина подкрашенной кровью воды.

– Тут не простая волшба нужна, – скривилась старуха, плюнув с досады. – Другое здесь. Тут обычными наговорами не обойдешься. Не хотят смотреть в отражение. Саму ждут.

Лагода поежилась, а Шепетуха поскребла макушку, прикусила костяшки пальцев, вперив неподвижный взгляд в окошко, забранное пожелтевшими пластинками слюды. Подошла ближе, едва носом не коснулась деревянного переплета, потом и ухом к нему приложилась, откинув седые космы в сторону. Ее будто бы что-то сильно тревожило, и она боялась, как бы кто не подслушал, когда заговорила, и голос у нее стал тихим, задушевым, тягучим, как смола на можжевелевой ветке перед Купальской ночью.

– Сама пойдешь, девонька, счастье искать. И мстью насладиться помогут, и суженого встретишь. Воин за тобой придет. Не чета здешним трутням и злодеям. Настоящий молодец, как в сказке.

– Зачем его искать, если сам придет? – изумленно спросила Лагода.

– Потому что Плиссе знак о себе подать надо, – терпеливо пояснила старуха.

Лагода обмерла. Представила осыпавшийся по краям ров и обомшелые валуны. Болото кругом, трясина под ногами чавкает, а они лежат и не тонут. Говорили старцы, что под каждым камнем мертвяк лежит придавленный, не гниет, стонет днем от непомерной тяжести, а ночами по берегу Волмы рыщет. В Плиссе на старом кладбище, кроме них и нет никого. Таились они по болотам, пока камнетесы Стоход стеной окружали. Затем полезли. Насилу отбились. Стены все выше и выше строили. По сию пору выжженные плеши на месте хуторов не зарастают. Стража с внешней границы глаза проглядывала, чтобы эта погань ночью в город не пробралась. Век уже никто их не трогал, а теперь Шепетуха ее туда отправить хочет.

– Мертвякам? – отпрянула она и в ужасе округлила глаза, прижав руку к задержавшемуся рубцу на щеке.

– Дурая ты, – хищно оскалилась Шепетуха. – Думаешь, Плисса это заброшенные могилы у берега Волмы? То навий город за гиблыми чащобами на той стороне.

Страх разжал мертвую хватку на горле Лагоды, и она вскочила, принялась быстро натягивать порты, подпоясалась веревкой, лязгая зубами от страха и осознав, что ворожея только что пережила свой разум.

– Навьи давно эти места покинули, – выкрикнула она, задыхаясь и не сразу нащупав рукава рубахи. – И колдовство их с ними сгнуло, и камни от их домов по всей округе раскатились, и Стоход возвели, а еще полно кругом. Одни могилы с покойниками остались.

– Навьи своими мертвецами землю матушку не пачкали – пеплом они на погребальных кострах осыпались, – процедила ворожея. – Сама мсть выбрала, да и услышали о тебе. Все одно придут. Такую волшебку не остановить.

Лагода нащупала свой лук, выдернула стрелу из тула, наложила на тетиву и прохрипела, царапая небо и десны враз ставшим шершавым языком:

– Снимай проклятье, ведьма!

– Угрожаешь? Поздно меня стращать. Годы не те, а уж все остальное не по своей воле.

– Снимай, говорю!

– Зайцев заberi, – Шепетуха спокойно сложила руки на впалой груди и скривилась. – Протухнут, как и все вокруг.

Лагода бросилась к дверям, билась, стучала кулаками не в силах открыть, забыла, что сама же щеколду и накинула. Отбросила запор, толкнула, плечом ударила, а дверь не шелохнулась. Она осунулась по нестроганным доскам на пол, всхлипнула обреченно и заскулила тоненько:

– У-у-у, старая...

Ворожея примостилась рядом, гладила вспотевшие волосы на лбу девки, пришептывала что-то, пока та подвывать не перестала.

– Ну вот и ладно, – сказала обыденно, а как нож разбойничий исподтишка в сердце вонзила. – Ночью на плес придется идти, туда, где водоворот у дальнего берега. Фонарь дозорный возьми. Два дня у тебя осталось.

Голос ее звучал устало, словно в который раз повторяла заученное, а внутри у Лагоды все сжалось, заостенело, ровно рачий панцирь, лишь плечи тряслись мелкой дрожью. «Вот и встретила со счастьем, – она скорчилась от безнадежности. – Чтобы твою могилу собаки разрыли, ведьма!».

– Что-то мало ты мне отмерила, – просипела она, давась слезами.

– Не я отмеряла, – хмыкнула старуха. – Родитель твой – в канаве бы ему хмельному захлебнуться – продал тебя Махоте. Сейчас тот старшим стражи в Южной башне, а вот сдаст караул, тогда все.

– Бреешь! – она вскочила, задохнувшись от ужаса.

– За стол садись, горемычная, – сокрушенно вздохнула Шепетуха. – Разговор у нас долгий-долгий будет.

Ночь укутала окрестности Стохода в тьму и дождь. По-осеннему промозглая серость, пропитанная горьким дымом очагов, повисла над землей еще с вечера. Северный ветер тащил с моря рваные тучи и из-за дождя казался обжигающе холодным. Лагода осторожно пробиравась под стеной спящего города. Ей уже давно было не привыкать скрываться от стражников и лесничих. Вздыхающий в десяти саженьях справа заостренными кровлями над башнями в мутное небо, город выглядел мрачно и жутко. Даже в такую погоду она очень хотела остаться незамеченной, старалась двигаться так тихо, будто пугливой зайчишки в лесу с луком выслеживала. Прижала к боку щелястую коробочку с огненной губкой, сделанной из трутовика и упрятанной в полый козий рог, вытерла мокрое лицо и подышала на озябшие пальцы, возвращая в них тепло. Затем перехватила половецкое за кольцо сторожевой фонарь, стянутый вчера из-под самого носа стражника перед возникшими воротами, и вгляделась в темноту. Тяжелый удар колокола, пробивший полночь, тогда едва не стоил ей жизни. Проснувшийся караульный вскинул руку, вцепился в рукав, но она вырвалась, оскользнулась сандалиями по камням мостовой, но удержалась и бросилась бежать, провожаемая не только свирепой бранью, но и свистнувшей вслед стрелой из арбалета. Стражник недолго грохотал сапогами за ее спиной. Остановился, орал в темноту, что завтра же лично выпорот вора на площади, чтоб ни один малец больше не помышлял грабить сартову стражу. И она, возбужденная своей бесшабашностью, затаившись в двух шагах от него за стволом старой липы, прижала ладошку к губам, стараясь не прыснуть от смеха, что тот со сна спутал ее с тоненькую фигурку с мальчишкой. Да и сейчас ей было от кого прятаться. Едва ли не на ее пути, в колеблющемся свете масляного фонаря из бойницы над воротами за забором ежились два воина из ночного караула. Они зло поминали ненастье, зорко таращились в туманную морось под стеной, поочередно прикладывались к меху кислого вина, принесенного служанкой из харчевни, и шумно переводили дыхание. Чуть различимым сгустком черноты Лагода выбралась на обочину торгового тракта, тенью проскользнула почти под ногами воинов, выждав, когда они стали выяснять, кому раскошелиться за следующий мех, и пропала в непроглядной темноте кустарника. Через сотню шагов она остановилась, покрутила головой, отыскивая верные приметы и заросшую буйной травой тропку.

Городская стена осталась за спиной, справа виднелись огоньки Рыбачьих хуторов на берегу Скривы и длинная, расплывчатая полоса торговых амбаров у переправы. По левую сторону, к самой тропе подступали непролазные чащобы, где не только дикому зверю благодать, а и разбойникам приволье. Лагода никогда и мыслях не держала попробовать добыть в этом Лихолесье зайца или белку. Даже, умирая от голода, она бы не рискнула углубиться в здешние леса дальше первого дерева. Лучше уж самой на плаху, или на невольничий рынок податься, чем попасться на глаза здешним обитателям. Ходили по слободке упорные слухи, что не только дичиной, а и человечиной там не прочь побаловаться. Она сделала шаг и замерла на месте. Близкие еловые лапы раскачивались, грозя глазам иголками, и в темноте их тени

легко было принять за людей, которые давно упокоились, но сейчас, этой ночью, вышли из земли. Из-под ног вдруг метнулась сонная пташка, закричала испуганно-тревожно, и волчий вой, раздавшийся совсем рядом, наполнил все вокруг такой мрачной животной силой, что она едва не присела от испуга, несмотря на то, что часто проводила ночи в лесу. Полный ненависти и злобы вой не умолкал. К первому волку начинали присоединяться другие. Таких жутких звуков в своей жизни она еще не слышала. Мокрый лес шумел, и в этом порывистом, шелестящем гомоне ее чуткое ухо уловило чьи-то голоса. Она покрутила головой, стала медленно пятиться, но опомнившись бросилась вперед, миновала опушку и оказалась на открытом месте. Перевела сбившееся дыхание, трясаясь от пережитого ужаса, поправила торбу, определившись с направлением, и ускорила шаг. Впереди, за четверть версты от нужного ей места, ближе к берегу Волмы проступили остатки старой крепости, возведенной так давно, что и дряхлые старики не помнили преданий о ее лучших временах. Камни, которые не смогли сдвинуть и утянуть лошадьми, когда огораживали Стоход высокой стеной, так и остались в чистом поле. А, может, и не мощное укрепление здесь было раньше, а что-то другое? Может, это прошлые боги своим детям такие игрушки принесли? Страх улетучился и она неожиданно улыбнулась про себя, представив, это ж какие руки должны быть у тех детей, чтобы камень, из-за которого и ее макушки не увидишь, на ладони подбрасывать.

Тропка вильнула, огибая валуны, пару сотен шагов петляла среди камней поменьше рядом с Ржавым ручьем, в который даже скотина морду опустить побрезгует, и побежала вниз по склону холма к большой воде, откуда напалз туман. В грязно-серой простыне неба появился просвет, мелькнули звезды, показался крутой бок луны, и из темноты вынырнули заросли ивняка на берегу полноводной Волмы, высокий дальний берег с широкой воронкой водоворота у обрыва, крутящийся в нем ствол дерева, выбрасывающий в небо ветви, как пловец руки, и песчаная отмель, тянущаяся до самой слободки на повороте реки. Где-то в стороне Турьи рокотала гроза, и слабые отблески молний ложились тусклыми бликами на масляные, вязкие, как деготь бездонные воды плеса.

Лагода поднесла фонарь ближе к глазам и огорченно подумала, что тогда второпях не разглядела короткий огарок внутри мягкого светильника и пришлось самой изготовить свечу из десятка других, оплывших до основания. Уверенности в надежности свечи в такую погоду, когда все вокруг подвластно лишь дождю и ветру, она не испытывала – и тот, и другой усердно погружали округу в холодную сырость. Первым делом она сняла с пояса козий рог, подула в него, проверяя огненную губку. На всякий случай с собой у нее было и кресало, и огниво, но рог тускло засветился красным: трутовик сохранил в своем высушенном нутре жизнь огню, отозвался, зашипел маленькими искорками. Затем она расшнуровала торбу, помогая замерзшим пальцам зубами, и разложила ее содержимое перед собой: сухую рубаху и порты, кусок рогожи, свечу, надкусанный сухарь и небольшой кусок вяленого мяса в тряпице, стянутый у того же так вовремя уснувшего стражника. Замирая от сладковатого привкуса страха во рту, она заправила свечу в фонарь, поднесла трут к фитилю и осторожно подула. Облегченно вздохнула, когда свеча весело затрещала, мигнула, и загорелась ровным желтым пламенем. Тогда она захлопнула дверку фонаря, направила его железным зеркальцем на чужой берег и, выпрямившись во весь рост, стала чертить лучом чужие символы, как учила Шепетуха. «Смотри, девонька, – предупреждала старая ворожея. – Покажешь знак три раза – гаси фонарь и уходи. А уж, если ветер свечу задует, или дождем зальет, то все. Не нужна ты никому. Только не вздумай ее второй раз зажечь. Вся погань с кладбища за тобой явится». Отсчитав нужное количество раз, она затушила свечу и спрятала ее в мешок. Рисковать она не хотела. Навсегда запомнила слова ворожеи: по сию пору с кожи пупырышки озноба не сошли. Извиваясь, Лагода содрала с себя промокшую насквозь одежду и с наслаждением натянула сухую. Осмотрелась по сторонам, в который раз удивляясь сама себе, как старухе удалось убедить ее прийти в такое место, да еще и ночью. Ни на один удар сердца не поверила старой, что это ее единственное

спасение, но ведь пришла! Она улеглась на рогожу, держа в руке сухарь и кусок мяса, и принялась жевать, рассматривая туманный дальний берег – она не желала пропустить тот миг, когда от берега отчалит лодка с воинами, которые привезут ей счастье. Через некоторое время, сморенную усталостью и теплотой сухой одежды, ее стало клонить в сон. «Только чуть-чуть, одним глазком, чтобы не пропустить лодку»: – сказала она сама себе, прикрыв глаза.

Порез на пальце, из которого Щепетуха нацедила немного крови для своей ворожбы, дернулся, занял неожиданно и остро. Лагода вздрогнула и подняла веки. Рядом светился давно и наверняка потушенный фонарь. Одного взгляда хватило понять, что пока спала кто-то общарил ее немногочисленные вещи, нашел и вновь зажег свечу. Холодея от накатившегося страха, она медленно повернула голову, проследив за направлением луча. С воды донесся плеск, будто вспоролو весло тихую гладь Волмы и чиркнуло по дощатому борту, разворачивая челнок. Может быть, именно этот плеск, а не боль от пустяковой ранки, и разорвал ее дрему, не дал сну полностью сковать тело, вскинул с земли за мгновение до того, как челнок заскребся узким носом в стеблях рогоза перед ней. Она схватила фонарь, подняла его выше, выхватив тусклым лучом из темноты расплывчатые тени в углу суденышке, и вскрикнула. Лагода, конечно, слышала еще несмысленной девчонкой рассказы о мертвецах, что бродили по другому берегу, будто живые, в глубине души даже была подготовлена старой ворожеей к встрече с ними, хотя любым способом постаралась бы этого избежать, но никогда не думала, что они появятся именно так. Проволочное кольцо выскользнуло из ослабевших от страха пальцев, фонарь стукнулся о землю – не погас, тлел на фитиле рубиновой звездочкой. Тьма надвинулась со всех сторон, окутала ее с ног до головы, вдавила в землю ступни, как гвоздем прибила: липкая, плотная, наполненная чем-то мерзким и жутким. Не в силах пошевелиться, она с ужасом смотрела, как ближний лодочник уперся веслом в илистое дно, поднял ногу, распахнув полы балахона и намереваясь ступить на берег. Второй с тихим стоном поднимался со скамьи, а третий заскрежетал чем-то железным под рваным одеянием, словно нож на точильном камне правил. Она дрожала, не в силах двинуться с места, как издалека донесся звук пастушьей дудочки. Свеча вспыхнула в последний раз и погасла. Краткий миг света и тихая мелодия, извлекаемая кем-то из камышовой тростинки, привели закаменевшую телом и разумом Лагodu в чувство, не дали забиться в припадке обреченности, когда первый, ступивший из лодки на берег, отбросил капюшон на спину, оскалился над ней голым черепом. Через мгновение она ошалело мчалась прочь, леденея от пронизывающего насквозь страха, но успела разглядеть. Успела увидеть порез на своем пальце в последнем отблеске упавшего фонаря. Он не кровоточил. Он был прижжен. Ей даже померещилось, что она чувствует запах обожженной плоти. И это было еще ужаснее, так как вони от сгоревшей кожи приплывших мертвецов она не чувствовала.

Обратный путь был полон пугающей тишины, и еще он был наполнен дикой жутью, хрустевшей каждым сломанным стеблем высохшего прошлогоднего бильника за поворотом тропки. Кто-то тяжелый молча мчался за ней следом. Она перепрыгнула через Ржавый ручей, влетела в скрытую высокой травой промоину, оскользнулась на раскисшей глине, потеряла одну сандалию, едва не подвернув ступню, судорожными движениями вскарабкалась по мокрому склону, замолотила обеими ногами, освобождаясь от второй обуви, вскочила и стрелой понеслась дальше. Только одна мысль заполнила разум без остатка, отчаянно билась в голове пташкой, попавшей в силки хуторского мальчика, подгоняла изрезанные осокой босые ноги – единственным желанием в этот момент было достигнуть развалин раньше преследователей. К чужим камням, утверждала Щепетуха, они не подойдут. Лагода миновала первый камень, добралась до блестящего влагой бока второго и прижалась к нему спиной. Затравлено оглянулась, прижала ладони к груди, стараясь унять прыгавшее до подбородка сердце, хрипло втягивала сырой воздух. Уверяла сама себя, что здесь им ее не достать. Вслед за отпускающим ужасом ее начало трясти от озноба. Она выстукивала зубами, но страшилась сделать даже шаг и оторваться спиной от камня, вытягивающего ледяным боком из нее последнее тепло, и так

долго вглядывалась в серую мглу перед собой, что ей стало казаться, будто мертвый лодочник поднимается над камнем за спиной, тянет костлявую руку, вот-вот коснется затылка. Тут-то она не выдержала, завопила во всю силу и рванула в слободку, не разбирая дороги, мчалась к Шепетухе, хватая открытым ртом сырой воздух – если уж кто и сможет помочь ей укрыться, так только тот, кто и отправил сюда.

Небо вновь затянуло тучами, и огромная, прозрачно-стеклянная луна, проглядывающая выпуклым боком сквозь серую муть, померкла. Темень придавила округу холодной пятой, и Лагода, перевалившись через забор во двор ворожеи, повинуясь какому-то странному чувству, не постучала в дверь, а прокралась к окошку, мелко дрожала, куталась в просторную рубаху и пыталась разглядеть хоть что-то сквозь трещину в пластинке слюды. Внутри красноватыми отблесками светились угли в очаге и рядом с ним на мешковине, или развернутом куске кожи лежало высохшее тело, сжимая окостеневшей рукой меч с обломанным недалеко от рукояти лезвием. Какое-то непонятное предчувствие гадко зашевелилось у нее внутри, полезло глубже, впившись холодными пальцами внизу живота, и она стиснула зубы, прилипла глазом к окну, силилась разглядеть старуху. Та появилась внезапно, мелькнула тенью у стены, постояла у мертвого тела, потирая ладони, и протянула их к огню. Очаг едва теплился, а затем неожиданно звонко лопнуло полено, и на окраине слободки, захлебываясь злобой, громко забрежали собаки. Шепетуха вскинула голову, прислушалась и повернулась к окну. Лагода отпрянула, попыталась унять бешено заколотившееся сердце, вытянула из-за пазухи бечеву и крепко сжала в кулаке деревянный крестик, совсем потеряв уверенность, что сможет пережить ночь и выбраться отсюда живой. Поняла, что старуха испробовала на ней какой-то мерзкий колдовской наговор, навела такую чудовищную порчу своей волшбой, что теперь хоть в омут. Она перелезла скрипучий забор и, шатаясь от усталости, побрела в сторону Герсики. Вернуться домой было бы самоубийством, если Махота в самом деле вернулся, а родной батька... Вот в эти жестокие слова старой карги она поверила сразу и безоговорочно: в последнее время за хмельное он не только единственные порты готов был с себя снять – родную дочь, не задумываясь, на мех вина променял бы, да все случай не подворачивался. Видела, как по утрам смотрел исподлобья, разглядывал, как приценивался, да макушку почесывал, бурчал что-то под нос. Обернулась в сторону реки, закусил губу, задумалась на миг и тряхнула головой. Не удастся ей по такой высокой воде даже до быстрины доплыть. Глотая слезы, она неожиданно вспомнила одно место, где могла бы попробовать спрятаться и переждать какое-то время, пока не придумает, куда бежать.

Глухой забор выплыл из темноты. Крепкий хутор старика Спыха на дороге в Замяту, огороженный высоким тыном и прикрытый узкой полоской леса и со стороны Стохода, и от наезженного тракта на Герсику, встретил ее оглушающей тишиной. Спроси ее кто, как добралась сюда, как отыскала на пустоши у сгоревшей дотла хибары пастухов потайной лаз, что указал как-то спыховский малец, давным-давно утонувший в Скриве по ледоставу, так ни одного слова бы в ответ сказать не смогла. Она проползла два десятка сажень на одном вдохе, выбралась из подполья в амбаре и, трясаясь от холода, прижалась к теплому лошадиному боку. Животина тихонько фыркнула, скосила влажный глаз на неожиданную гостью, и затихла. Притихла и Лагода, прикорнув рядом с ней на снопах соломы.

Глава 3

Корт Наслав слушал молодую иларис Керану, недовольно потирая подбородок. Стоял перед ней посреди двора, закусив губу, смотрел в сторону, старательно отворачиваясь от янтарных омутов в ее глазах, мрачнел с каждым словом.

– Нельзя одной, – сказал в который раз. – Вот, что хочешь со мной делай, госпожа. Костями лягу, но не пушу.

Он уже устал объяснять, что старая иларис Озара, хоть и собирается в скором времени взойти на погребальный костер, но пока еще никак не собралась и крепко сидит на скамье власти Плиссы, а ее дочь, пусть и готова заменить мать, но ведь не заменила же. Не может он ее отпустить, да и лишних воинов у него нет, чтобы защитить в дороге. Лукавил, конечно, прикрываясь и именем Озары, и заботой о безопасности ее дочери. Знал, что не воины щитом ей будут, а сама Керана отведет от себя и спутников любую беду, но уперся, пытаюсь заговорить и остудить ее гнев. Однако переубедить не получалось.

– Сама ведь ворота открою. Как остановишь?

– Пришлют наказ, сам с тобой поеду.

– Вот уж никогда бы не подумала, что в Плиссе глухого могут страшим над воинами поставить, – процедила она сквозь зубы, положив руку ему на плечо. – Солнце зашло, а как звезды появятся, то у Проездной башни пусть спутники ждут. Стражу предупреди.

– Незачем дозору мешать, госпожа. Лучше Войдана никто не знает, как ему службу нести, – недовольно ответил корт, почесал переносицу и добавил на всякий случай тревоги в голос: – Да и опасно тебе там.

Тонкие черты ее бледного лица застыли, ноздри, подрагивающие от раздражения, зло втянули воздух, полыхнуло желтизной под ресницами.

– Следи за звездами, Наслав!

Она презрительно скривилась, но пухлые губы никак не хотели изогнуться уголками вниз, да и косой взгляд получился, скорее неприличным, чем насмешливым. Но слова больше не сказала, развернулась и направилась через двор к Дозорной башне, и уже не видела, каким обеспокоенным стал корт Наслав, когда прищурился ей вслед. Стоял, теребя ухо, задумчиво смотрел и на ее крепкие сапоги с окованными носками, и на штаны, покрытые, как чешуей, железными пластинками, и на короткий клинок у бедра, тускло отсвечивающий в сумерках заклепками на ножнах. Осознавал старый воин, что настоящую силу в себе почувствовала желтоглазая дочь Озары. Оружие из рук не вырвать, все деревянные чурки для очага у себя в покоях искромсала мечом в щепу, а уж словами, которые никто и выговорить-то не сможет, кроме самой повелительницы Плиссы, кого хочешь к земле вмиг прислонит. Покачал головой, подумал, что надо бы добиться у Озары запрета для дочери по первому хотенью мчаться на лошади к дальнему дозору в сопровождении всего двух воинов. Полдюжины! А то и дюжина должна глаз с нее не спускать даже днем. Под дверями с сегодняшней ночи пусть стоят, под окнами, да хоть за косу ее держат, чтобы... Запнулся мыслями, кинул еще один взгляд в прикрытую пластинами доспеха спину Кераны, которая уже почти достигла крепостной стены, и усмехнулся. Сердце второй раз не ударило, как рассмотрел заплетенные волосы и красный шнур над воротником. Стар уже стал, рассеян, забыл, что и на молодую иларис когда-то должна была свалиться эта напасть из чувств.

Он скрестил пальцы на удачу: верный выбор решила сделать Керана. В этом он был уверен. И еще был уверен в том, что лучшего воина, чем старшина дальних дозоров в Плиссе еще не рождалось. Молод совсем, а уже почти ровней ему стал, хотя никогда и не желал выделиться среди других мужчин. Сам всего достиг. И Наслав был доволен, что еще с десятков лет назад, по каким-то и сейчас ему непонятым приметам выделил из сотни мальчишек, прыгающих

с деревянными мечами вокруг соломенных чучел на воинском дворе, одного единственного. Может, потому и приметил, что тот не ныл от поражений и не задирает нос от побед, при этом оставаясь незаметным. Ребячьих шалостей не чурался, но и пойманный за руку не увиливал, признавал вину с достоинством. И вот оперился птенец, возмужал, настоящим дозорным стал, хоть сейчас вместо себя поставь – не прогадаешь. Но с возрастом обзавелся и недостатками. Любой бы взглянул на корта Плиссы, как на сумасшедшего, вздумай он упрекнуть в них старшину дальних дозоров. Первый вызывал у него смущенную усмешку – за девками до самого Янтарного моря ухлестывал без меры. А вот второй тревожил серьезно. Сама Керана. Одновременно с ратной наукой расцвела девица: из худого подростка с вечно сбитыми коленками превратилась в такую красавицу, что и нечисть из чернолесья на окрестные холмы забирается, чтобы увидеть ее хоть одним глазом. Да и давно уже корт стал замечать, что и ноги та ставит по-особому, словно порхает, и грубые носки сапог скользят над брусчаткой двора с грациозностью маленьких стоп кирвенской танцовщицы. Видел не раз, какими глазами Войдан со стороны на нее смотрит, думая, что не заметит никто. И та сама не своя, мечется, гордая, ждет пока он ей меч на пояс предложит, а злые языки в Невриде вот-вот нашепчут в ухо. Правду нашепчут, а наизнанку вывернут подлостью. Желтоглазая дочь иларис Озары не та игрушка, что натешиться позволит и забудет. Всем богам хвалу воздашь на берегу огненной Сафати, если в гнев сразу прикончит. А то, что про Элгора ветром слухи из Архенара несет, так эту брехню и слушать не стоит. Никогда Плисса не роднилась с чужими. Вот он и старался подальше от городских стен старшину держать до поры до времени, от смерти возможной уберечь. Схлестнутся эти двое – всей Плиссой потом не разгрести. И он неожиданно улыбнулся, сравнив Керану с ее сестрой. К младшей-то Нисаре он относился с почтительностью, присущей ее положению, а вот к желтоглазой... Любил он ее, как дочь единственную любил, и другой иларис для Плиссы и не пожелал бы никогда. Молния с громом, а не девка! Кому ж, как не ей, суждено возродить величие Плиссы в союзе с Войданом. Хмыкнул, поскреб подбородок, подняв глаза к окнам покоев Озары, дернул плечом на ее вопросительный взгляд, и неторопливо направился к Проездной башне лично проследить, чтобы с Кераной поехали лучшие воины, если та все-таки не передумает трястись в седле посреди ночи за два, а то и за три десятка верст.

Слова Наслава о дозоре немного успокоили Керану, но и такое спокойствие длилось недолго. Только к открытому проходу в Дозорную башню подошла, как тревога за Войдана накатилась вновь. Она рванула в полутьму под аркой и понеслась по лестнице вверх, перепрыгивая сразу через две ступени. Остановилась только перед последним поворотом у приоткрытой железной двери, ведущей на верхнюю площадку. Прижала руку к груди, чтобы унять колотящееся сердце, отдающее прямо в виски, и сквозь утихающий шум крови в ушах прислушалась к негромкому разговору воинов над головой. Скрипнуло петлями железо двери и каральный просунул голову на лестницу.

– Случилось что? – заорал озабоченно.

Она поморщилась и запоздало подумала, что только глухой среди вечерней тишины не разобрал бы грохота ее сапог по каменным ступеням.

– Споткнулась, Хорлай, – крикнула в ответ, узнав по громогласному рыку старшего стражи.

– Иларис?

– За стену захотелось глянуть.

Она несколько раз глубоко вдохнула, выровняв дыхание, и неторопливо пошла к двери.

– Что там смотреть, госпожа? – усмехнулся воин и спохватился. – Сегодня же скажу, чтобы фонарей добавили, а то черт ногу сломит на такой крутизне. Не лестница, а капкан медвежий. И старший камнетесов у меня вот уже где.

Он постучал себя по крепкой шее и недовольно забурчал под нос:

– Сколько раз просил, чтобы камень подновил. Дождется у меня. Все ступени не долом – носом сверху донизу заново посчитает.

– Не ворчи, – сказала она. – Меч чистила и на тряпку наступила. Подошва и соскользнула.

– Не ушиблась, госпожа? – в голосе Хорлая тут же появилось участие.

Она отмахнулась и вместе с ним вышла наверх. Рассеянно кивнула на приветствие стражников, вставших при ее появлении. Затем скользнула глазами по обильно смазанному дереву катапульты, груде тяжелых валунов рядом с ней, и по прислоненным к стене ошкуренным длинным жердям, заостренным и дочерна обожженным на огне. Прошла к зубцу башни, высотой в ее рост, и оперлась локтями о камень в бойнице, устремив взгляд куда-то за широкую водную гладь Горыни. Молчала, а Хорлай переминался с ноги на ногу за ее спиной. Вздыхал неслышно, чтобы не потревожить. Думал, что зачастила иларис в Дозорную: уже месяц вечера не проходит, чтобы стража на нее здесь на тарашилась. Догадывался о причине, но скорее язык бы себе откусил, чем спросить решился, или поделился с кем предположением: кого, а не что она высматривает. Вот и сейчас глаз не сводил с ворота подросшей рубахи Кераны. Заплела старшая дочь Озары волосы в тугую косу. Шнур красный добавила в пряди. Заметил, как голову чуть склонила вниз со стены глянуть, а один он или два, не разобрать – скрывалась коса под рубахой на груди и не видны их кончики, чтобы сосчитать. Потер щеку, сжал в ладонь свою заплетенную в тонкие косички бороду, сделал шаг ближе, встав рядом, скопил глаз на ее шею и сказал тихо, чтоб другие воины не слышала:

– Нисара днем приходила.

– Неужели? – она и головы не повернула. – С чего бы это сестричка решила на Дозорную забраться? Она же выше Западной стены за всю жизнь ни разу не поднималась.

Старший башни наморщил лоб, пригладил ежик седых волос, замялся, поник широчеными плечами, молчал, не зная, как сказать остальное. А она перевела взгляд левее, на темную стену далеких деревьев, за которым начиналось болотистое чернолесье Пограничья. Там, за тропой в Кирвен, за десятки верст дальше Мереса, в самой глухомани чернела в узкой полосе еще светлого неба двуглавая вершина огромного, каменистого холма, прозванного Уродливыми Сестрами. Давным-давно, повинувшись взмаху руки бога мертвых Виелона, задрожала, вздыбилась в том месте мать-земля. А как рассмотрела всю мерзость, творимую на ней, то загрохотали камни, посыпались вниз, силясь затянуть рукотворную язву на теле. Удержал Виелон свое творение, а позднее две неприступные цитадели возвели его почитатели у подножия двуглавого холма. Две сестры – Азха и Ронара. Ужасные, уродливые, непохожие ни на один навий город. Издревле их окрестности пользовались столь дурной славой, что ни один житель Невриды в здравом уме не рисковал и приблизиться к ним. Не то, чтобы среди навьев не хватало любопытствующих храбрецов, но существовали десятки других способов уйти из жизни с гораздо меньшими страданиями. Тревога вернулась вновь, прокатилась ознобом под одеждой, и она поежилась, будто дохнул теплый вечер зимней стужей. Подумала, что от Плиussy до Голья успеет добраться за ночь, а там и вестника можно отправить к дальнему дозору. В междуречье, где с одной стороны Волма, а со второй Горынь и ее земли, можно ничего особенного не опасаться, и завтра днем уже встретит Войдан. Она вздохнула и снова посмотрела на поворот реки. Черный, огромный омут, чья глубоко вдавленная середина пребывала в бесконечном движении, закручивался под обрывом. Это зрелище напомнило ей водоворот из птиц, что кружат над Уродливыми Сестрами подобно громадному колесу богов.

Хорлай кашлянул за спиной, и она сжала кулаки. В кроне старого вяза, что одиноко высился за поворотом Горыни, заполошно заорали вороны. Керана побелела от нахлынувших подозрений и прижала пальцы к задержавшемуся уголку глаза. И без этих криков ей было сейчас до смерти тошно.

– Два вплела, Хорлай. Два! Так смотришь, что дыру в доспехе проглядишь.

Он вздрогнул от неожиданности, отвернул голову и втянул ее в плечи. Проклинал сам себя, что язык в помело брехливое к старости превратился и за зубами не держится, а когда повернулся, то понял, что добром для него этот разговор вряд ли закончится. Керана смотрела на него в упор, и вместо теплого янтарного блеска в ее сужившихся от злобы глазах заплескалось желтое бешенство.

- Что она здесь делала? – прошипела иларис, запинаясь от ярости.
- О дальнем дозоре выпрашивала, – едва выдавил он, пряча глаза.
- Так... – она скрипнула зубами. – Продолжай.
- Знать хотела, когда Войдан в Плиссе вернется.

Сейчас Хорлай ничего не желал сильнее, чем оказаться на другом берегу Горыни, еще лучше за Волмой, а то и с самим дальним дозором на побережье Янтарного моря. От гнева иларис его спас вестник. На камень зубца башни из полутьмы бесшумно упала сова, сложила крылья и покрутила круглой головой. Керана сделала шаг вперед, сорвала с ее лапы свиток, развернула, беззвучно шевеля губами, нахмурилась и протянула послание Хорлаю, словно и не впадал только что в немилость старший Дозорной. Тот пробежал по свитку глазами, сдвинул шлем на затылок и задумчиво огладил коротко подстриженную щетку волос.

– Кто ж додумался из такого места знак подать? – пробормотал он и вытянул шею, заглядывая за стену. – Не успеть туда. Все одно мертвяки к себе до рассвета утащат.

Иларис, которая в нескольких строках послания, в отличии от Хорлая увидела не только чей-то призыв о помощи, решила, что не поедет сегодня к отряду Войдана. Вестника ему отправит, чтобы ждал, а сама к Стоходу. Те три слова, что заканчивали сообщение дозора, и которыми же сигналили с людской стороны, были не просто знаком для навьев. Она сразу поняла, что тот окоченевший и никому неведомый гонец из маленького монастыря, едва не добравшийся до Плиссы прошлой зимой и найденный дозором в снегу уже почти бездыханным, в самом деле шел к ней. Не поверила тогда, отмахнулась, а кто-то, значит, все-таки отыскал рукоять от меча, которая являлась ключом к давно утраченному для навьев Ожерелью Невесты. Проведя множество бессонных ночей в библиотеке с древними свитками, она была прекрасно осведомлена, что сулит обладание этим украшением его владельцу. Но она и не настолько глупа, чтобы броситься сломя голову в мастерски состряпанную ловушку. И сейчас, всматриваясь в сумерки, она пыталась вспомнить: как же звали того старца из обители Святого Орма, что прислал монаха? Всечет? Никогда и не слышала раньше о таком. Если бы не сестра, решившая встать у нее на пути – а иначе этот внезапный интерес к старшине дальних дозоров и не объяснить – бровью бы не повела, и того гонца, испустившего дух еще на лошадином крупе перед воротами, не вспомнила бы. Теперь же она закипала ненавистью – никто не посмеет приворожить ее выбор! Мысли помчались подобно весеннему половодью, стали кивались быстрыми потоками, заполняли разум, тревожно кружились, путались, связываясь в прочные узлы неразрешимых загадок. И она подумала, что по крайней мере один из дозорных видел эти слова, начертанные огнем с того берега Волмы. Девичья рука чертила – мужская бы не поднялась. Со своего воина она колдовской наговор снимет, если тот потребует. Однако, поведала ей как-то старая нянька Каса, рассказывая долгими зимними вечерами одну сказку за другой, что лучше той, что рискнула суженого ночью из Плиссы звать, для воина не найти. Может, и в самом деле к лучшему этот знак? Кому-то из дозорных приглянется и девицей желанной станет. Сейчас же ей самой позарез необходимо узнать, где припрятали ожерелье. И она обязательно навестит того, кто осмелился бросить ей вызов этими женскими руками, хотя бы для того, чтобы собственноручно сдвинуть ему горло, заглянуть в выпученные от ужаса глаза, а затем бросить полуживое тело в болото. Но еще больше она желала знать: кто же стоит за спиной монахов из Герсики? До смерти желала знать.

Керана посмотрела за стену вслед за Хорлаем и сказала, как отрубил:

- Со мной поедешь!

– Куда это?

– За Волму!

– Зачем, госпожа? У нас своих забот хватает.

– А если там навья кровь, и мы ей в помощи откажем? – она прищурилась.

– Откуда там навьи? Если из Кирвена, так чтоб им там и сгинуть поскорее. Наслава звать надо и иларис Озаре доложить, – он насупился и отвел взгляд. – Пусть дозор сам разбирается. Не наше это дело.

– Я твоя иларис! – с нарастающим гневом отчеканила Керана. – Я ее дочь!

Он замялся, старательно прятал побледневшее лицо в глубокой тени от зубца башни. Не далее чем вчера корт Наслав взял его за грудки, тряхнул так, что он зубами о железо ворота загремел, и прорычал в лицо: «Еще раз узнаю, что вместо службы за Кераной хвостом по гиблым местам и чернолесью волочишься – за бороду до Янтарного моря тащить буду, пока или ты не сдохнешь, или лошадь копыта не отбросит. А не приберет тебя Виелон, так выгоню к чертям из Невриды. Что хочешь делай, а как скажет с ней куда ехать, то цепью на ногах повисни, а за стены не пусти». И сейчас он только оторопело открывал рот, а слово какое верное подобрать не удавалось.

– Кто знак увидит, тот на него и откликнуться должен. Так?

– Мы его и не видели, – Хорлай обрадованно обернулся.

– А как же послание у вестника?

– Не могу, госпожа, – он тут же поскущел, склонил голову и выдавил через силу: – Хоть прямо здесь режь на лоскуты.

– Не дури, – усмехнулась она. – Как в глаза потом смотреть станешь?

Хорлай вздрогнул могучим телом, потербил косички бороды, сгреб в жменью пластинки доспеха на груди, рванул, точно клок железа из него выдрать собрался.

– Если с тобой что случится, то меня Озара на стене этой башни и распнет, а прежде сто раз жизни лишит, – он в отчаянии закатил глаза. – И корт Наслав тебе тоже самое скажет. И...

– Говорил уже, – она обреченно махнула рукой.

– Вот. Я же только о твоей безопасности радею, – он неуверенно покосился на нее.

– С собой тебя взять предлагал, как к дальнему дозору сейчас поеду, – Керана слегка прикусила губу, окинула его насмешливым взглядом и протянула презрительно: – Скажу, чтобы другого спутника дал. Тебе же за стену ночью выйти так же страшно, как Нисаре подроспешную рубаху на голое тело натянуть.

– Лошадь госпоже! – заорал Хорлай на стражу.

Он загремел сапогами по ступеням лестницы вниз, напрочь выбросив из головы предупреждение Наслава. Одновременно с грохотом его сапог две стрелы разорвали небо над Дозорной башней на три осколка черноты, на миг расчертив его огненными линиями. И этот след увидел не только дозор Плиссы, торопящийся к бродам через Волму. Едва различимая тень скользнула по стволу высокого вяза, что возвышался над водами Горыни у межевого столба Кирвена и Темеши. Анлорский лучник, который мог в кромешной темноте пронзить стрелой глаз бегущему лосю за триста шагов, и что уже долгое время таился в густой кроне дерева и не выпускал из виду малейшее движение на башнях Плиссы, осторожно ослабил тетиву. Он вернул стрелу в тул и заторопился спуститься. Внизу лазутчик вытряхнул из колец кольчуги труху и листья, растер искусанное комарьем лицо и оглянулся по сторонам. Затем забросил лук за спину и, продравшись сквозь густой кустарник, помчался к укрытым в глухой чаще воинам. Пробежал две версты по кромке трясины к навью дозору, ожидающему его в непролазной чаще.

– Пятеро к Стоходу двинулись через Волму. Молодая иларис с ними. Волосы в темноте не разглядел. Может быть и та, о которой доложить надо, – сказал, отдуваясь и растирая щеки, искусанные мошкаррой.

– Другой за стенами и взяться неоткуда, – старший дозора тоже потер лоб, словно и его жалили насекомые.

– Странное еще видел, – лучник сдвинул шлем на затылок, поскреб ногтями подзор оружия и сказал неуверенно: – Прикончили у заставы Болнар кого-то. Долго возились. Но ни одного крика не донеслось. Смотреть поедem?

– Нет, – старший дозора усмехнулся, протянул руку и тронул у того тул со смертоносными стрелами. – Тебе что было указано? Следить и донести? Все сказал?

– Все, – буркнул лазутчик.

– Эй! – старший обернулся к остальным воинам. – Вестника в Темешу. Быстро!

Лагода с трудом оторвала голову от соломенной подстилки. Только-только, казалось, веки смежила, а в полуоткрытых воротах амбара уже серело раннее утро. Со двора доносились возгласы людей, среди которых ей слышались и женские, зло фыркали лошади, бубнил что-то в ответ старый Спых. Заискивающий голос был у хозяина усадьбы, такой почтительностью от него несло, что она и в своем укрытии поняла, что не простые гости спешили во дворе.

Призывно заржала над ухом животного Спыха. Девушка тут же подхватила и юркнула к стене, прокралась к самым воротам, чтобы ближе рассмотреть прибывших всадников, но только захлопнувшуюся за чьей-то спиной дверь в хату увидела. В десятке шагов от амбара чертыхался хозяин усадьбы, едва не угодив под копыта верховой лошади. Та косила на него бешеным глазом, выгибала крепкую шею, норовя достать крупными зубами его плечо. Старик вертелся угрем, уцепившись одной рукой в мешок с отрубями, а второй в поводья. Тащил – откуда только силы брались в тщедушном теле! – крепкое животное к амбару, упирался пятками в широкое корыто с водой, пришептывал ласково, а лошадь трясла головой, жевала удило, мотая старика из стороны в сторону. Из-за ее крупа еще три лошади тянули морды к мешку, вздергивали верхние губы, скалясь длинными зубами, будто волки при виде свежего мяса. Спых не выдержал и отпустил поводья. И как только хозяин завопил, уронил мешок и отпрыгнул куда подальше, Лагода стрелой метнулась к дверям хаты и скользнула в темноту сеней.

Пробравшись наощупь мимо деревянных кадок и хуторской утвари, она приникла глазом к щелке внутренней двери и тихонько охнула от восторга, рассмотрев, усевшуюся за стол девицу. Такого прекрасного лица ей и во сне привидеться не могло. Ресницы у гостьи были настолько длинные, что и лучи полуденного солнца не смогли бы добраться до ее зрачков, не то что колеблющийся свет масляной плошки, висящей на стене, и хмурое утро, заглядывающее в маленькое окошко. Но вот она моргнула, вскинула голову к воину, стоявшему за ее спиной, и за поднявшейся пушистой завесой в глазницах распахнулись янтарные омуты: такие яркие и бездонные, словно солнечный луч окунулся в свежую слезу живицы, сбегавшую по сосновой коре, и застыл, остался в ней навсегда, не в силах выбраться.

Лагода разинула рот. Не смотря на страх получить от неизвестных гостей не меньшие неприятности, чем пережитые ночью, она застыла у щелки в двери в единственную в хате комнату. Смотрела во все глаза на чудную девицу, поражаясь ее красоте. «Неужто сама сартова Дивина из Герсики пожаловала? – подумала потрясенно. – Сжалился над ней бог-страдалец. К самому морю с собой увезут, если в ноги броситься. А уж сколько разговоров в слободке будет!». То, что изнеженная Дивина не приблизилась бы к наполовину сожженной усадьбе и на версту ей и в голову не пришло. Она крепко сжала веки и переплела на удачу пальцы на обеих руках, представляя, как все слободские девки станут люто ей завидовать, когда она нарочито нехотя покажет подарок. В том, что прекрасная наложница сарта Некраса одарит ее, по крайней мере, серебряным колечком, или серьгами, а то и браслетом, она не сомневалась – слышала не раз о подобном. Затем, насладившись завистливыми стонами красных от злости подружек, небрежно обронит, что, мол, на обратном пути Дивина заберет ее к себе служанкой, если батька разрешит. А батька отпустит, куда же ему деваться-то. Пусть помрут от зави-

сти. Сейчас она напрочь забыла и об изувеченном лице, и о том, чем закончилась для нее попытка напроситься в служанки к Томиле, как и о том, что никаких подружек у нее давно нет, а отец, наверное, сейчас рыщет по округе вместе с Махотой. Даже мертвые лодочники, только что во сне тянущие к ней руки, вылетели из головы – от счастья ее отделяла доска всего в полпальца толщиной. И она открыла глаза, почувствовав дрожь в мгновенно подогнувшихся коленях, прижала ладонь к губам, сдерживая крик.

– Вынюхиваешь? – прошипели ей в лицо.

Второй открыл заслонку фонаря, осветив и ее и себя, а тяжелый взгляд из-под сведенных вместе бровей оборвал рвущийся изнутри вопль. Она дернулась, едва не выпрыгнув из рубахи, но крепкие пальцы ухватили за плечо, подтянули ближе, встряхнув так, что лязгнули зубы, и намертво прижали к железу доспеха. Кованные пластины царапали щеку, в ребра под грудью остро впились рукоять ножа, а пальцы на плече, казалось, дробили кости, и она чуть не прокусила губу от боли, чувствуя, как побежала по щекам горячая влага.

– На... Дивину... взглянуть... подарок... хотела, – простонала, едва ворочая языком.

Неожиданно ее отпустили. Широкая ладонь, что едва не сломала плечо, мягко погладила волосы, осторожно прошлась по рубцу на щеке, вытерла слезы и легонько приподняла подбородок. Сквозь туманную пелену на слипшихся ресницах она заметила улыбку на загорелом молодом лице. Казалось, что и прямой нос, и четко очерченные скулы, и подрагивающие от сдерживаемого смеха уголки губ, и глубоко посаженные темные глаза статного воина выражают неподдельное изумление. Лицо перед ней было молодым, добрым, с искренней улыбкой и совсем-совсем не похожее на грубые физиономии стражников из Стохода.

– Да ну? – выдохнул он и почесал бровь.

Она смахнула вновь показавшиеся слезы и кивнула, испуганно заглядывая ему в глаза, стараясь угадать, что последует за этим возгласом. Воин отставил фонарь, сдвинул меч на пояс за спину, прижал палец к ее губам, призывая к молчанию, и загадочно подмигнул. Отвернул голову чуть в сторону и крикнул кому-то за дверь:

– Хорлай! Говорят, сартова Дивина, по людским слободкам ездит и подарки молоденьким девицам раздает. Правду говорят, или нет?

– Правду. Точно знаю, – резкий голос в ответ прозвучал громким хохотом, – только потом эти девки после ее кнута сидеть не могут, а знахарки не одну неделю их в травяном настое отмачивают.

– Вот видишь, а ты о подарке мечтаешь, – он развел руками и, тряхнув длинными волосами, схваченными на затылке кольцом, коснулся пальцем шнурка с деревянным крестиком на ее шее. – Молись своему богу, чтобы уберечь от встречи с этой ведьмой.

– Старухи, которые в монастыри на берег Янтарного моря идут, сказывали, что она добрая, а ты ведьмой зовешь, – прошептала она.

– Смотри, как бы не поперхнулась ее добротой. Лет тебе сколько?

– Выросла уже, чтобы сказку с былью не спутать. Зимой полтора десятка будет.

– На выданье, значит.

Она вырвала крестик, сжала его в кулаке и опустила голову, невольно притронувшись к щеке, будто бы и сейчас ощущала плетъ Махоты на своем лице. С облегчением понял, что от прибывших к Спыху гостей худого ждать не придется и обиду они чинить никому не собираются.

– От сватов отбоя нет, – выдавила через силу и сверкнула глазами.

– Что ж так и не выберешь никак? – он усмехнулся.

Она бросила на него косой взгляд, открыла рот для резкого ответа, помедлила, переступила с ноги на ногу, потеряла ноющее плечо и все-таки не удержалась.

– Тебя вот ждала, – брякнула с вызовом.

– Ты, девица, иголки свои не топорщи – сама уколешься, – сказал воин. – Скажи лучше, какой подарок просить хотела?

– Забыла уже, – буркнула она, с трудом отводя глаза от его лица и чувствуя, как снова слабеют колени, бешено запрыгало сердце и кровь прилила к щекам.

– А зовут тебя как, скажешь?

– Лагодой кличут.

– Ну, а меня Стожаром нарекли.

Он рассмотрел ее исцарапанные ступни и лодыжки, торчащие из обтрепанных понизу штанов. Скользнул взглядом по острым холмикам груди и встретился глазами. Потом неожиданно выдернул из ее волос запутавшуюся соломинку, всунул себе в рот, перекатил губами в самый уголок и спросил задумчиво:

– Неужели ко мне так бежала?

Лагода вспыхнула.

– Едва успела, – сказала чуть слышно, и совершенно неожиданно для себя понесла скороговоркой: – Сам глянь. Скоро с сумой впору идти. Какие уж тут сваты. Родни никакой. Мамка на переправе потонула, как паром перевернулся. Да я бы и ушла давно в Вилонию или Турью писцом. Грамоте один монах обучил. Беглый был. В лесу у Скривы тайлся, а я ему снесь за науку чуть не два года таскала. Поймали его. А батька... – она сглотнула. – А Спых старый совсем, а вы его во двор к лошадям. А у вас не кони, а звери лесные. Не дай Бог, затопчут насмерть. А старухи не раз сказывали. Думала, Дивина. Колечко хотела серебряное. Может, кто и прислал бы тогда сватов в слободку.

Она обреченно махнула рукой.

– Да уж, девица-красавица, – рассмеялся воин.

– Не сама себя уродовала, – зло всхлипнула она.

– Да не о том я, – он согнал с лица улыбку. – О грамоте. Кто ж тебя писцом-то возьмет? Туда только старых и бородатых зовут.

– Сам, небось, и буквы назвать не сможешь, – огрызнулась она, вытирая на лице слезы.

– А ну-ка, – он протянул ей свой меч. – На лезвии.

Она недоверчиво взяла тяжелый клинок за рукоять, повертела в руке, недоуменно рассматривая странные знаки, а, может, и узор какой кузнец чеканил. Ей не приходилось держать в руках такого смертоносного оружия, но и для ее неискушенного взгляда было ясно, что знатный мастер ковал. Залюбовалась, присматриваясь к тусклому отблеску, и вдруг... шевельнулись бороздки по железу, заструились водой, задвигались ветвями деревьев, расправились крыльями проснувшихся птиц. Она охнула и разжала ладонь, выронив меч. Воин подхватил его в воздухе, резким движением вогнал обратно в ножны и снова почесал бровь. С его лица пропала даже тень улыбки, губы сжались, натянулась кожа на скулах, загорелись дикостью глаза, и Лагода рухнула на колени, заламывая руки. Все, о чем набрехала ей старая злыдня Шепетуха, опутав черной ворожбой и завернув поверху в порчу, могло и в самом деле оказаться настоящим, если Стожар точно приплыл с того берега Волмы.

– За мной пришел? – она с мольбой искала его взгляд.

– Что на мече увидела? – жестко спросил он.

– П... п... птиц, – запинаясь, выдохнула она онемевшими губами, чувствуя, как неожиданный страх вернулся, холодком расползся внутри. – Лес еще. Реку. И про грамоту не врала. Взаправду знаю.

Непонятным образом для нее самой, это утверждение почему-то казалось ей сейчас самым главным. Настолько важным, что она готова была повторять его снова и снова. А он сгреб в кулак ее волосы, опустил на корточки и придвинулся лицом так близко, что она, даже стуча зубами от закопошившегося в животе ужаса, смогла рассмотреть каждый волосок в его бровях, сурово сдвинутых к самой переносице. Темные глаза под этими бровями быстро меня-

лись: ушла злость, сменившись озадаченностью, появилось любопытство, мелькнули искорки смеха. Потом разжались пальцы, отпуская волосы, легонько дернули ее за ухо.

– И сережки, и колечко, и, конечно, монисто? Куда уж без него, – насмешливо сказал он и спросил: – Так это ты меня звала?

Лагода опустила голову, тщетно пыталась унять дрожь, которая от трясущихся мелко коленок проползла вверх, добралась до подбородка, перекинулась выше, задержавшись в стянувшем щеку рубце. Она обмерла от надежды, почувствовав свои пальцы в мужской ладони, глаза поднять страшилась, кусала губы, что торчит перед ним исцарапанная, в грязных портах и мятой рубахе, а соломы в волосах на птичье гнездо хватит. За ней же ехал! Крикнуть хотелось, что неправда, что знает она, как за телом ухаживать, чтобы гладким и чистым было, и белье постирать добела, и с одной стрелой к самодельному луку еды добыть и приготовить такую, что язык проглотить и за добавкой прибежишь, и ласки для суженого в ней от любой беды не убудет, огнем полыхнет. Рубец... слободская детвора вслед кричит... морда рваная... Так ведь не кривился! Кивнула, поднимая взгляд, а вот слезы укротить не смогла, только судорожно слизывала частую каплю языком, с трудом сдерживаясь, чтобы не завывать в голос, не уткнуться носом в плечо этому воину, не вцепиться ему в пояс так, чтоб не оторвать никакими силами. И все-таки всхлипнула, качнулась вперед, прижимаясь лбом к пластинам доспеха, вскинула руки, обхватив его за шею, и заревела беззвучно, вздрагивая худенькими плечами.

– Гальса! – крикнул он, распрямляясь. – Иди-ка сюда.

– Что тебе, Стожар, – донесся женский голос. – Сам проверить не можешь?

– Оглохла от старости? – рыкнул он, оборачиваясь. – Или уши водой залило? Сюда иди, говорю.

– Язык-то придержи, – ответила та, подходя ближе. – Молод еще мне указывать.

Она некоторое время с удивлением рассматривала воина и повисшую на его шее Лагodu. Потом качнула головой и скорбно поджала губы.

– Думала, брешут злые языки, – заворчала с укором, но совсем беззлобно, – завистью, как ядом, брызжут. Ан нет, к нашему Стожару и в такой глуши девки липнут. Медом тебя что ли мажут в Плиссе? Вон, Хорлая, так поди только беленой и натирают, да и кормят ею же. А он все тебя и корта Вилони, у которого девок охочих, что сучьев в лесу, клянет.

– Оставь ее, Стожар. Меченая она.

Мягкий голос гостьи с янтарными глазами вернул Лагodu с небес на землю. Воин распил ее руки на шее, отошел на шаг, смотрел так, будто только что встретил, а не разглядывал с ног до головы чуть не с час и слезы ей утирал.

– Махота кнутом рассек, – выдавила из себя Лагода, – стражник сартов.

«Волосы гладил. Шрам, как и не заметил! – она потерянно опустила голову. – Губ касался. Рукой, правда, но ведь не кривился брезгливо». Затем вскинула вмиг высохшие глаза. Вгляделась в тонкие черты белого лица гостьи: безразличного, холодного, как лед, непрогретый солнцем. А у той выпрямился крутой изгиб бровей, сузились удивительные глаза, и не янтарь, а яркая желтизна лесного зверя из-под ресниц на нее уставилась. Поняла, что ее слово последним будет. Скажет бросить увечную на лицо девку здесь – никто и не оглянется.

– Как же тебя угораздило, девчушка?

Лагода непонимающе повернула голову к той, кого Стожар назвал Гальсой. Еще не старая женщина с нее ростом, но тоже в доспехе, как и остальные. Волосы с одной стороны так коротко стрижены, будто нет их совсем, а с другой на плечо ячменными колосьями ложатся, в левом ухе серьга, длинная, чуть не до плеча достает, лицо на перепеченный хлеб похоже, а в глазах, окруженных сеткой мелких морщин, вопрос участливый.

– Сказала уже, – она нахохлилась воробышком, втянула голову в ворот рубахи и скрипнула зубами.

– Что ж ты все прошлое поминаешь? Нам с твоего лица воды не пить, – так скорбно сказала, будто хоронить ее собралась. – На ладонь ее глянь, Стожар.

Воин рассмотрел пальцы Лагоды, потрогал прижатый порез, хмыкнул, бледнее загоревшим лицом, и отпустил руку. Испугаться не успела, что навсегда, как притянул к себе и повернул лицом к желтоглазой.

– Скажи, госпоже, кто знак подать научил, – он склонил голову, ткнулся губами ей в ухо, зашептал: – О приданом не печалься. У купцов, что от султана в Герсику едут, целый воз купим.

Она задохнулась от счастья, слова вымолвить не могла, как тут же окунули с головой в выгребную яму.

– Мертвые ее не оставят, Стожар.

– Знаю, – ответил он, вновь нахмурившись, и стиснул рукоять меча, – и клеймо на ней сразу почувствовал. Лодочники кладбищенские опередили, чтоб их. Устала она от голода, сон на берегу и сморил.

Лагода похолодела. Вспомнила, как скрежетало железо под рваным балахоном в челноке. А лицо гостьи изменилось, стало таким же жестким, как и кусок вяленой дичины, что лежал перед ней на столе. Вытянулся лицом и Стожар, нащупал ее ладонь, сжал, а желтоглазая отрезала кусочек мяса, положила в рот, медленно жевала, рассматривая его одного.

– И наша вина здесь есть, – она скосила глаз на Хорлая, угрюмо рассматривающего свои сапоги. – Что скажешь? Удержится на этой стороне?

– Удержу, если меня выберет, – ответил Стожар.

Твердо ответил, с вызовом, но та не оскорбилась, кивнула легонько, повертела нож в руке и вонзила перед собой в дерево стола.

– Нельзя ей в Плиссу.

– Я знаю, госпожа.

Четыре пары глаз не сводили с нее взгляда, и Лагода поняла только то, что сейчас и от нее что-то зависит. Ждут все ее слова, а какого, так и разобрать из их запутанной речи невозможно.

– Что сказать должна? – прошептала чуть слышно.

– Ты же знак подала. К тебе сватов и отправят. Примут их?

Она прижалась всем телом к Стожару, спрятав изуродованную щеку на его груди, и сказала, как могла увереннее:

– Не к кому им идти. Одна я. Сама за себя решаю. Выбрала уже.

– Сказано и приговорено, – хлопнула гостья по столу. – Есть с нами садись.

На столе перед желтоглазой стоял запотевший кувшин, лежал на тряпице скруток вяленых с пряностями полосок дичины и пышная краюха с коричневой румяной корочкой. Такой хлеб она однажды видела в Турье. Девушка незаметно сглотнула слюну и ответила:

– Не голодная.

Лагоду выдал живот. Крякнул здоровяк Хорлай. Встал с лавки, развернул широченные плечи. Запрыгала змеиными хвостами на доспехе заплетенная в косички борода. Он сморщился лицом, как будто чего горького глотнул, и захохотал, утирая глаза. Качались на его поясе от смеха два меча, прыснула в кулак Гальса, и гостья за столом едва сдерживалась, но поплыли уголки полных губ в стороны, вызывая улыбку: такую же чудесную, как и ее глаза. А старый Спых, толкнувшийся в дверь со двора, почесал плешь в седых волосах и сел на деревянный жбан, недоумевая, как девка Бахаря, который сейчас наверняка пускает носом пузыри в канаве у харчевни, мимо него к гостям прошмыгнула.

– Гальса, – сказала девица, так и продолжая лучиться улыбкой, – одень-ка ее. Среди навьев все-таки сесть решилась.

Женщина вывела ее во двор, сняла чересседельную торбу с крупа одной из лошадей и зачерпнула ведром воды из дубовой бочки, стоящей у края стрехи.

– Сбрасывай свои лохмотья, – сказала она, – и мыло бери. Сначала тебя свежей водой отмыть надо. Не кривись: не от грязи – от духа кладбищенского.

Девушка сбросила одежду и принялась натирать себя намыленным куском ткани, стыдливо прикрываясь локтями.

– Оружием каким владеешь? – спросила ее Гальса, с размаха окатывая водой.

Лагода не ответила сразу. Тряслась всем телом под ледяной струей уже из второго ведра, прикусив губу, чтобы не вскрикнуть, а как ведро опустело, выдохнула, выстукивая зубами:

– С луком получается.

– Сильна в стрельбе?

– За пять десятков шагов лисе шкуру не испорчу. Если времени хватит выцелить, то и за сто, наверное.

Женщина протянула ей полотенце.

– У нас каждый должен уметь управляться с любым оружием. Заставить клинок петь песню победителя сможет только тот, кто слышит музыку, заключенную кузнецом в железо. Многие считают, что навыки с этим умением рождаются. Однако это не так – нам приходится тратить на упражнения с оружием больше времени, чем другим. Мы должны быть лучшими. А ты? Готова стать быстрее и точнее всех?

– Я научусь.

– Придется. Куда же тебе, горемычной, деваться.

Гальса скупно улыбнулась, а Лагода подхватила полотенце и принялась яростно вытирать тело. Затем натянула рубаху, растерянно осмотрела шнуровку, не понимая, как ее затянуть, чтобы не выглядеть одетой в мешок. Женщина дернула за один кончик, за другой, завязала узлы, и девушка почувствовала, как рубаха прильнула к телу, будто сама обхватила в нужных местах, согрела. Со штанами она справилась уже сама. Болтались они, правда, пустым местом на худых бедрах, но она тут же почувствовала, какие они удобные. Обула сапоги, затянула широкий пояс покрепче и глянула исподлобья на Гальсу.

– А ты, девчушка, красавица, – сказала та. – Стожар еще с того берега мне все в ухо дудел об этом, а я не верила.

Лагода покраснела и опустила голову.

– Он... меченую... лицо ведь не разглядел оттуда, – пролепетала она.

– А что на него смотреть? – женщина прихватила ее мокрые волосы обручем. – Хорошенькое. Нашим мужчинам такие нравятся.

Девушка прижала ладонь к рубцу и вскинула глаза, переполненные болью.

– А это?

– Тьфу.

Гальса убрала ее руку. Всмотрелась в левую щеку, которая когда-то была рассечена до кости и зашита неумелыми стежками. Затем оттянула ворот своего доспеха и показала глубокою багровую борозду над ключицей.

– У меня таких полно. И у Стожара хватает. И у тебя еще будет, не сомневайся.

Снаружи совсем рассвело и угли в очаге осыпались пеплом, когда Лагода выложила желтоглазой все, что запомнила и узнала этой суматошной и страшной ночью.

– На рукояти клинка ничего не разглядела?

После слов Гальсы о Стожаре она совсем приободрилась и уже не вздрагивала всем телом, если вопросы вынуждали ее отвернуться от лица воина, посланного ей самой судьбой.

– Какое там, – она махнула рукой. – Я только сейчас поняла, что он сломанный меч держит. Темно тогда совсем было.

– А его спутника не видела?

– Какого спутника? – она побледнела и обернулась к Стожару.

– Того, кто принес Шепетухе мешок, – ободряюще ответил он.

– Не знаю, – прошептала она. – Сбежала сразу.

– Не далеко убежала, – иларис прикрыла на миг глаза. – Мертвяки в лодке, конечно, на первый взгляд страшнее этих костей в мешке будут, но... это смотря с какой стороны за такую историю зацепиться.

Керана свела вместе брови и так раздраженно потерла безупречно гладкий лоб, точно ее вдруг стало удручать отсутствие на нем морщин.

– Так что ты сделала, когда в окно к ворожее заглянула и кости увидела? – равнодушно переспросила она, но все почувствовали в ее голосе плохо скрытую тревогу.

– Не помню, – понуро вздохнула девушка. – Наверное, сюда бежала.

Иларис постучала костяшками пальцев по столу.

– Уходи с ней Стожар. Немедленно. Доберешься до Болнара и жди. Что бы не случилось оттуда ни шага. Сколько потребует, столько и жди.

Дозорный склонил голову, подтверждая полученный приказ, а Хорлай старательно натянул на лицо улыбку и хлопнул его по плечу.

– Смотри там, – ухмыльнулся. – Голову от счастья не потеряй и к запретным тропам не высывайся. Просто нас жди.

Гальса не сказала ничего, только посмотрела на Лагodu с сочувствием и опустила взгляд. Керана обернулась к старшему Дозорной башни.

– Это самое легкое из того, что им придется делать в Болнаре. Лошадей седлай.

Гальса вскинула голову, как только они с иларис остались вдвоем.

– Оставь ее мертвым, госпожа, – выдохнула она едва слышно, прислушиваясь к шорохам за стеной. – Переживет Стожар как-нибудь, а мертвяки ведь и за тобой могут увязаться.

– Меня сейчас интересует, что ты чувствуешь, когда отнимаешь жизнь этим клинком?

Керана окинула ее взглядом, беззвучно рассмеялась, когда женщина непроизвольно положила ладонь на рукоять меча и сказала, пряча улыбку:

– Не хочешь – не говори.

– Не задумывалась, – она озадаченно посмотрела на дочь Озары. – Радость? Опьянение? Сразу и не скажешь. Ведь я даю противнику возможность попытаться забрать мою жизнь, чтобы сохранить свою. Наверное, счастье. Счастье от того, что осталась жива.

– Пока жива.

– Меня тяжело убить, хотя попыток было много. Ты же сама это знаешь.

– Я говорю о тех, кто будет здесь быстрее живых.

– С мертвыми, способными убивать быстрее настоящего воина, мне встречаться не доводилось. Я только слышала о них.

– Тот, кто вызвал лишенных погребения, будет охотиться и за тобой.

– Я не сильнее мертвых, госпожа. Если ты это желала знать.

– Это, – ответила Керана. – Не надейся на мою силу, Гальса. Я хочу, чтобы после этих слов ты полагалась только на себя, на свой клинок и на Хорлая. А он на тебя.

Она затянула шнуровку ворота на доспехе, обнажила наполовину меч, проверив, бесшумно ли скользит тот в ножнах, и выровняла петли с метательными ножами на поясе. Потом провела пальцем по наплечнику Гальсы, будто захотела пересчитать кованые пластины защиты.

– В Плиссu вдвоем вернетесь. Передашь матери и Наславу, что вестника пришлю, как справлюсь, или сразу в Болнар наведаюсь.

Гальса опустилась перед Кераной на колени, отбросила волосы с шеи и схватилась обеими руками за ее сапоги.

– Руби, – простонала, – но не прогоняй.

Хорлай, вошедший со двора сказать, что все готово к обратной дороге, сосредоточенно теребил бороду, не понимая, что случится за такое короткое время в его отсутствие.

– Домой нас отправляет. Одних!

Он бросил на Гальсу косой взгляд, сжал огромный кулак и сказал, как отрезал:

– Шага не сделаю без госпожи. С ней приехал, с ней же и уеду!

Глава 4

Ранним утром янгала Дарьяна возвращалась в Анлор. Утомительный путь в Архенар и обратно не принес ничего, кроме разочарования, скверного настроения и гадких предчувствий. И Эолата, заварившая всю эту кашу с Кераной и гребущая жар ее руками, и ее братец Элгор, будто напрочь забыли, что они какие-никакие, а родственники. Таращились на нее оба, точно в первый раз слышали о мертвеце из Гнезно и монахах, будто не сообщники они, а так, приснилось, мол, ей. Расхлебывать сотворенную мерзость Первая Ветвь Невра великодушно предоставила ей одной. Измученная долгой тряской по бездорожью и тягостными мыслями, она покачивалась в седле с угрюмым видом, и бросала на спутников такие злые взгляды, что ее свита облегченно вздохнула при виде островерхих башен великого города, позолоченного рассветными лучами. И как только янгала достигла главных ворот, где ее ждали не менее двух десятков навьев из настенной стражи, ее спутники поспешно смешались с толпой встречающих. Воины с копьями, выстроившиеся по обе стороны прохода от огромных створок первых ворот до крутого поворота ко вторым, трижды ударили листовидными наконечниками в железо доспеха, приветствуя повелительницу Анлора. Полдюжины копьеносцев отделились от остальных и направились к ней. Подходили напряженным шагом один другому в затылок. Передний смотрел на янгалу немигающими глазами, и, не доходя трех шагов, остановился, приставил ногу, рванул руку с копьем к груди и склонил голову, приветствуя свою госпожу.

Она бросила поводья на руки слуг, безмолвно покинула седло и, к изумлению стражи, направилась не к своим покоям, а свернула во внутреннюю галерею стены. От самого Архенара, все два долгих дня пути после неудачной встречи и бессмысленных обвинений в волчьем логове Невра, янгала непрерывно думала об этих галереях. Уверяла себя, что если фрески на стенах встретят ее пением, то и удача не отвернется. И, в первую очередь, она торопилась не к бассейну с подогретой водой, а именно сюда, в настоящее великолепие Анлора, в мягкую полутьму внутренних помещений, выходящих множеством арочных проходов на площадь перед покоями с серебряной птицей на шпиле. Построенные теми же руками, что и Риоган, они вобрали в себя и мощь и непревзойденное до сих пор искусство, и даже время в этих галереях отличалось степенностью и текло неторопливо. Просторные, со сводчатыми потолками, украшенными фресками и чудной резьбой на стенах, где в каждом рисунке камней жила своя собственная мелодия, они завораживали и заставляли восторгаться любого навья. Можно было месяцами бродить мимо этих стен и не услышать ничего, но в один миг все могло измениться и воздух наполняли чарующие ноты. Сейчас стены пели. Обычно молчаливые они исходили из себя тревожную мелодию, и она перетекала от рисунка к рисунку, следуя за ритмичным позвякиванием ножен клинков о бедра Дарьяны. Встречные навьи в недоумении смотрели на стены: и строго подтянутые неразговорчивые мужчины, и всегда улыбающиеся светловолосые женщины, и веселые розовощекие дети с игрушечными мечами у пояса. Навьи, которые только что куда-то торопились, останавливались, прислушивались к неожиданно возникшим звукам и, признав дочь Мораны в доспехах, склоняли головы в поклоне.

Задумавшись, она вышла через площадь к широкой лестнице, ведущей во внутренние помещения дворца, и вздрогнула, когда стража грозно лязгнула железом, скрестив древки копий перед ее лицом. Она вскинула подбородок. Стража тут же расступилась, подняв копья на плечо. Молодые воины во все глаза смотрели на янгалу, вместо туники или хитона облаченную в воинскую защиту, и пока она проходила мимо не смели даже слово сказать, хотя любопытство переполняло их доверху. В легких доспехах без рукавов, надетых поверх кожаной нательной рубахи, она была больше похожа на молодого охотника, собравшегося в лес, чем на навку, тем более янгалу. Дарьяна повернула голову, окинула одного из стражников холодным взглядом и приподняла бровь.

– Доброго утра, Мирта. Ты еще не стал старшим одной из башен великого города? Или сразу в сарты Анлора метишь?

Она-то узнала навья, несмотря на то, что не видела его несколько лет, да и Мирта изменился, вытянулся вверх, стал еще шире в плечах, обзавелся бородкой, правда, пока ненамного отличающейся от юношеского пушка.

– Мне еще долго служить, госпожа. Возможно, в следующую встречу я склоню голову с ярлыком сарта, – воин выдавил из себя смущенную улыбку.

Отойдя на десяток шагов, она услышала возбужденный шепот:

– Признала, смотри ты.

– Янгала ничего и никогда не забывает. Охотились как-то вместе на окраине Пограничья. Давно это было.

– На зайцев? – кто-то коротко хохотнул.

– На вигулов, – зло осадил товарища Мирта.

Удивленная тишина повисла за ее спиной, и уже подойдя к ступеням лестницы перед своими дверьми, она едва разобрала далекие голоса:

– Так уж и клинком владеет?

– Два на пояс нацепила.

– Мстить кому собралась?

– А ты попробуй спроси.

– Нарезет ремней из твоей шкуры и лоб не вспотеет. Терс фехтовать учил, – пояснил Мирта. – И меч ей сам потом подал. Не на одном колене – на обоих стоял. Второй клинок однорукого волка.

– Да, уж...

Скупая улыбка тронула ее губы. Вспомнила суровое лицо искалеченного навья: пустой рукав кольчужной рубахи, тяжелый взгляд из-под набрякших век на ярком солнечном свету, левую скулу, изуродованную четырьмя шрамами от когтей, и мускулистую руку, покрытую старым узором из глубоких отметин от чужих клинков. Вспомнила и его недовольство, когда на воинский двор Архенара, где мочалили чучела деревянными мечами десятка два подростков, Серина привела светловолосую девочку из Анлора.

– Янгала желает научиться обращению с мечом.

– Для моего возраста шутки звучат немного не так, госпожа, – буркнул воин, и заорал, отвернув голову. – Хом, ты как меч держишь, отродье вигула!

– Терс, я не шучу, – спокойно сказала Серина.

Воин смерил их тяжелым взглядом сверху вниз, сжал единственный кулак, зло выдохнув в сторону грубое слово. Терс тогда предстал перед Дарьяной, напуганной его видом, диким, раздраженным зверем: выше Серины на голову, а уж она в свои годы не доставала ему и до пояса.

– Она дочь Мораны, – он словно выплюнул эти слова, намеренно не произнося ее полное имя. – С каких это пор повелители Срединных Пределов учатся фехтованию? Их могущество не требует укрепления железом.

– Янгала может пожелать все, что угодно, как только научится правильно выговаривать слова. Не так ли, Терс? – она хлопнула ладонью по рукояти своего клинка.

– Твое обучение, госпожа, стоило мне десяти лет жизни, – пробурчал он.

– Не думаю, что наша гостья заберет у тебя больше, чем я, – Серина усмехнулась.

– Я не смогу вынести такое еще раз, – Терс скривился и в отчаянии ударил кулаком по бедру.

Он сгорбился огромным телом, зыркнул на Дарьяну, неторопливо двигал неприязненный взгляд от сандалий к светлой макушке, разделенной семью черными прядями, и она ответила ему исподлобья таким же недоверчивым прищуром с синевой летнего неба, умытого дождем.

– Это невозможно. У нее тонкая кость, – наконец сказал с уверенностью.

– А ты ее не сломай! – твердость в голосе Серины не оставляла Терсу ни малейшего выбора.

Жесткая мужская ладонь, в которую вложили ее маленькую ладошку, против ожиданий показалась Дарьяне надежнее каменной стены, и она поступила совершенно нелогично для самой себя, неуверенно добавив к первой руке вторую, подняла голову, спокойно встретив презрительный взгляд. И Терс вздрогнул, беспомощно оглянулся на молодых учеников, откровенно таращившихся на них, возмущенно открыл было рот и сник, когда Серина повернулась и торопливо пошла прочь.

Она скривилась – таким растерянным Терс навсегда остался в ее воспоминаниях, и таким смущенным его никто, кроме нее не видел. Да и не увидит – его прах давно развеяли над Великим Запредельем, как он и просил, чтобы вигулов всегда беспокоил его запах.

Через несколько часов, скинув надоевшие до смерти доспехи и вдоволь наплескавшись в бассейне, Дарьяна сидела на скамье, пытаясь привести мысли в порядок. Звонкий перестук молотков за окном отвлекал, не давал сосредоточиться, и она поднялась, распахнув створки. Поморщилась, недовольно посмотрев вниз. На площади, где солнце уже припекало вовсю, камнерезы в одних портах взобрались на леса и работали долотами над огромным камнем. На широком щите из плотно пригнанных оструганных досок углем были расчерчены пропорции будущей скульптуры. Над камнем корпели не первый день, и уже отчетливо была видна часть спины с гребнем и хвостом, появившимся из гранитной колыбели, и частично обработанные выпуклости, которые станут когтистыми лапами. Широкая и длинная пасть начинала обретать узнаваемую форму. Как волчица, облизывая новорожденного щенка, придает ему подобный себе вид, так и острые концы инструмента, вонзаясь в камень, высекали будущую фигуру сразу со всех сторон. На широком помосте стоял старший зодчих Луст, покрикивал на резчиков, давал указания, временами сверяясь с рисунком. За его спиной высилась громада недостроенного дворца, где на одном из выступов займет свое место его творение. Или не займет – она отчетливо видела огрехи, ускользнувшие от глаз камнерезов. Мастер заметил янгалу, преклонил колено, прижав руку к груди, подал знак подмастерьям. Те побросали инструменты, притихли на обоих коленях.

Дарьяна сдвинула брови. Подумала мельком, что не мешало бы лично проучить плетью мастера зодчих. Несмотря на его должность, надо бы указать ему на изгиб спины у дракона, который слишком крут, и если он его не исправит до завтрашнего вечера, то придется вызвать настоящего. Вряд ли зверь будет доволен, если его попробуют заставить присесть так, как изображает скульптор. Потом мысли янгалы снова вернулись к Керане. А ведь вырос, силу почувствовал старший заморыш Озары, зубы показывает, не жмет в угол. Говорили, что первым из навьей гряды рвут самый приметный сорняк, да вот не уследила. Ничего, желтоглазая, посмотрим, чего стоишь, если монахи Тримира тебя раньше в землю не вгонят. А насчет самой Озары и ее второй дочери крепко подумать надо. Они, как клин, вбитый в хребет Невриды. Найдется кто-то, вроде Эолаты, что водой его без оглядки поливать начала, и разбухнет, ломая навьи земли надвое. Худой сейчас мир между Пределами, а ведь нашли способ ужиться, как волки в логове, держатся последние города друг друга. Одна Плисса меч в ножны не вложила, да и в Ронаре седло с боевого коня не снимали. Ищет слепая Велжа союзников, будто тень редаря Хрола уже в дверь костлявой рукой постучала. Посыльных к Озаре отправляет. А ну как примет та? Ей только повод дай – для ее воинов Пограничье не преграда. Плиса уже отражала натиск редаря. Как бы сама не ударила сейчас. Раздавит и не заметит. Осторожно надо, а то всех к земле прислонят. Один Архенар в стороне останется.

Янгала ударила кулаком в открытую ладонь второй руки. Повернувшись, шелкнула пальцами, и бросила худой старухе в просторном сером одеянии, появившейся словно ниоткуда, и подобострастно склонившейся перед ней:

– Гожа, повесь-ка на стену щит.

Дарьяна достала из-под скамьи широкий пояс с метательными ножами, принадлежавший какому-то следопыту из Тограна. Подбросила на руке тяжелые лезвия, каждое из которых было едва ли не шире ее ладони, и, не целясь, вогнула одно за другим в дерево щита. Все пять. По самые рукояти. За четыре десятка шагов.

– Твое мастерство, госпожа, не уступает коварству.

Гожа мерзко хихикнула, скривив губы на высохшем от старости лице, смахнула с изрытого морщинами лба редкие пряди седых волос, и уставилась на Дарьяну абсолютно пустыми глазами. Такими пустыми, будто вовсе и не глаза прятались в глубоких провалах темных глазниц.

– Я и не заметила, как желтоглазая девчонка с вечно сбитыми коленками и синяками стала взрослой, – смех захлюпал в гортань старухи.

– Зачем ты постоянно напоминаешь мне о ней? – обозлилась янгала.

Гожа обмерла. Показалось, что у янгалы в волосах зашевелились черные пряди, приподнялись змеиными головками. Она хорошо помнила, что однажды, еще молоденькими несмышленными девчонками Дарьяна и дочь Озары подрались, как самые обычные навьи ребятишки: до соплей, слез и крови. И причиной всему были именно эти черные пряди в волосах янгалы Анлора, которые Керана вздумала назвать крашеными кобыльими хвостами. Выдранные клоуны оказались вполне себе настоящими, а вот их отношения с тех пор оставались не просто натянутыми. И Гожа всеми силами старалась не дать этой ненависти угаснуть, напоминала к месту и нет, а тут, видимо, перестаралась, наступив на большую мозоль крепче, чем следовало.

Дарьяна взобралась на скамью с ногами, согнула колени, положила подбородок на скрещенные руки и посмотрела прямо в глаза старухе. От этого пристального взгляда та почувствовала себя настолько отвратно, что у нее пересохло во рту. А янгала щурила синие глаза, пристально рассматривая Гожу. Брови изогнулись, на лбу появилась едва приметная морщинка, кожа на щеках порозовела, а в ложбинке между ключицами сверкнул серебряным глазом ястреб ярлыка. Она склоняла голову то на одно плечо, то на другое, отчего крохотные камни на круто поднятых бровях покачивались на едва заметных цепочках следом за ее движениями, и так же зло сталкивались, сверкая зелеными искорками. Гневаться она умела как никто другой.

– Прости меня старую, госпожа, – Гожа рухнула на пол, поползла к скамье, – я думала...

– Не думай, – Дарьяна оттолкнула ее ногой. – Пока она не опаснее мелкого зверька, который караулит добычу, но ни на миг не забывает, что и сам может оказаться в пасти более крупного хищника.

Искаженный злостью профиль янгалы застыл на фоне окна. Если бы не ноздри, широко раздувающиеся от гнева и шумно втягивающие воздух, и не желваки, узлами перекатывающиеся на скулах, то повелительница величественного Анлора могла показаться любому навью сказочной, прекрасной девицей: от изящных лодыжек в ремнях сандалий, выглядывающих из-под подола хитона с золотым поясом на тонкой талии, до самой светлой макушки, разделенной семью черными прядями. Сейчас же ее внешность мало чем отличалась от уродливой физиономии Гожи.

– Найди, проследи, выпытай. Опроси каждого, – она повернула голову, сузила глаза так, что ресницы сомкнулись, спрятав холодную ярость, и процедила: – Я хочу знать, когда он придет за ней, и буду ждать. Тешину вестника отправь. Он сейчас за Пограничьем. Пусть по землям Озары пройдет.

– Старший ночной стражи со мной и говорить не захочет, – засомневалась Гожа.

– Ты мои глаза и уши, – хмыкнула янгала, пожав точеными плечами, отчего невесомая материя хитона пошла складками, заволновалась на ее груди. – Тебе будет позволено все, что пожелаешь от моего имени. Скажешь сарту, чтобы немедленно приготовил для тебя нужный ярлык.

– Ратому бы еще отправить, – заторопилась со словами старуха. – Кому, как не старшине гончих, идти по их следу? Хватка у него, как у волка матерого. Если во что вцепится, так, пока не загрызет, не остановится.

– Выполняй! – прикрикнула янгала.

– Сказано и приговорено, – опомнилась Гожа, страстно желающая вырвать себе беспокойный язык.

Через десяток ударов сердца, когда она, напрягаясь спиной и пятясь, толкнула задом дверь и переступила порог, изгибаясь в поклонах, Дарьяна Анлор снова стала прежней. Сдержанно-веселой, прекрасной навкой, воспеваемой в стихах. Она поднялась и нетерпеливо тряхнула зовный колокольчик, приказав слуге немедленно вызвать старшего навых гончих Ратому, который был уже достаточно седым, чтобы выполнять самые тайные поручения янгалы. Она никогда не использовала свою стражу для секретных поручений: была уверена, что тот, кто прослыл настоящим воином, не сможет стать изощренным убийцей. И когда сквозняком из открывшейся двери шевельнуло пряди волос у висков, Дарьяна, рассматривающая выдвинувшийся на окраину Предела усиленный дозор в помощь Тешину, не обернулась, так и вглядывалась в дорогу к Пограничью, пока фигурки верховых не превратились в едва различимые точки и не растворились в тени башни Риоган. Она бросила взгляд на ее стены и на нижнюю галерею со скульптурами у входа. Даже отсюда можно было рассмотреть отдельные швы в ее кладке, и даже с такого расстояния было видно, что и самый маленький из камней не пройдет ни в одни ворота Анлора. Титаническая постройка своими несокрушимыми стенами неожиданно предстала в мыслях янгалы не тем, чем была тысячелетиями на памяти навьев. Не крепостью непреступной показалась, а темницей девичьей, которая без Ожерелья Невесты не приданным ее земли умножила – обузой на шее повисла. Потом она прищурилась, нашла взглядом между далекими холмами переправу, ожидала, когда точки появятся перед рекой, сосредоточенно размышляла, не обращая внимания на замершего у дверей Ратому. Затем стала перебирать в памяти слова его соглядатаев, что докладывали о старшине дальних дозоров Плиссы. Терзалась, а вдруг пожар, который по настоятельной просьбе Эолаты сама же и раздула из крохотной искры, дай ему срок разгореться как следует, не остановится на границе Предела, обнимет пожаром Плиссу, Анлор, а затем и Невриду. И вся эта мерзость, вызванная чародейством, не сможет закончиться так просто, впитаться в землю и просохнуть, как капли дождя на нагретых камнях. Вот не сестричек из Плиссы впихнуть бы в мешок, а Эолату вместе с ее братцем Элгором в него затолкать, да поглубже в бездонную трясику, чтоб и костей для костра не сыскал никто. Поздно спохватилась. Упустила время Архенару отказать, а теперь бы саму в бочку не законопатили и не поставили у ворот Анлора, чтобы каждый входящий плевал на нее. Сидела же Керана тихо под рукой Озары, а теперь и сама старая иларис взбрыкнуть может. Ей воинов Плиссы через Пограничье бросить, что собаке за костью кинуться. Уж не новую ли войну развязать пожелает? А, может, захочет заключить кровавый договор со слепой Велжей? А она сама? Смогла бы говорить с обитателями Ронара без дрожи? А с Кераной? Сладит ли на мечях с желтоглазой, несмотря на приобретенное мастерство фехтования у Терса? Или ноги придется уносить? Впрочем, нет. Уносить ноги Терс не учил ее никогда.

Крохотные точки достигли реки. Дарьяна глубоко вдохнула, все-таки определившись с последовательностью своих действий. Потерла пальцем переносицу. Камни над ресницами столкнулись, застучали так же часто, как и ее сердце. Ратома, переминавшийся с ноги на ногу у двери, кашлянул.

– Для начала я хочу голову Кераны, – твердо сказала она. – Или ее саму, живую или мертвую.

Старшина гончих сделал несколько шагов вперед, небрежно мотнул подбородком на спину янгалы, не утруждая толстую шею поклоном,

– Мертвую, – бесстрастно уточнил он. – Живую притащить не получится.

Дарьяна задумалась. Вряд ли Войдан остановится на полпути, если проберется в Анлор следом за желтоглазой, а в том, что он проскользнет мимо ее стражи она не сомневалась. В другом сомневалась: что она сама может бросить на чашу весов, чтобы восстановить равновесие, если та качнется не в ту сторону? Свою красоту, ум и положение? Так и у дочерей Озары этого с лихвой хватает, особенно у Нисары. Ходил одно время слух, что они обе к Элгору нежные чувства питают. Так сама же только от него два дня назад уехала, а он и словом не обмолвился, хоть и выросли, считай, вместе в волчьем логове Архенара, как сестра с братом. Значит, Керану надо схватить раньше, чем ее найдет Войдан. Или, в крайнем случае, поскорее прикончить.

– Пусть мертвую, – вымученно согласилась она.

– Что янгала предложит взамен?

– А если ты не принесешь ее?

– И такое может случиться, – он ответил со смешком, нервно сглотнув слюну. – В противном случае придется назначить на мое место другого.

«Мерзок Ратома, но кто б еще смог так раскинуть сети доносчиков, лазутчиков и убийц по всей Невриде и за ее пределами? – тоскливо подумала она. – Предложи она подобную службу даже простому воину – отказ получит презрительный, даром что янгала. Отчего же тогда она держит себя с ним так, словно торгуется с купцом за последнюю куну?». Сдвинулись вместе тонкие брови. Разгорелась ледяная синева в глазах. Приподнялись от гнева плечи, лягнуло железо в голосе, чуть напряглась белая шея, и старшина упал на колени, посеревав лицом.

– Я ослышалась?

– Да, янгала. Я принесу ее, – едва слышно прошептал он, и этот шепот показался ему самому громче самого громкого вопля.

Махота сгреб в жменю рубаху на груди хмельного еще с ночи Бахаря, встряхивал так, что тот, мотаясь головой во все стороны и выстукивая подбородком о могучий кулак, мог только мычать. Не добившись ни одного внятного слова, стражник злобно ткнул вторым кулаком в слюнявый рот мужика и швырнул обмякшее тело обратно в канаву. Старший Южной башни Стохода и сам исходил пеной от ярости. Ему едва удалось уговорить корта отпустить его на несколько часов из караула. Не найдя этой ненавистной девки, он обшарил все соседствующие с ее домиком хаты и, раздав парочку зуботычин не в меру любопытным обитателям слободки, помчался к постоялому двору, а тут такое. Стражник окинул задумчивым взглядом кривобокие домишки, теснившиеся вокруг, сжал кулаки и решительно свернул в ближайший переулок. Подумал, что не могла же Лагода бесследно исчезнуть, когда вокруг столько глаз таращится сквозь щели в заборах. Хоть один да должен был ее увидеть. Ему оставалось только найти обладателя этого глаза. Быстро найти, пока корт не спросит у караульных: вернулся ли старший в башню? А корт, пес такой, обязательно спросит. Чует, что сарт Некрас скоро его сменит, может, и старшего Южной башни вместо него поставит. А совета Некрас ни у кого никогда не спрашивает.

И сейчас он торопливо шел по узкой улочке, оскальзываясь в раскисшей глине и придерживая меч, чтобы не гремел ножнами о железо наколенника, бросал из-под сведенных вместе бровей на искаженном злобой лице подозрительные взгляды по сторонам. Ломиться во все подряд двери не стал – только время зря потеряешь. Делал вид, что направляется по делам службы, а сам тщательно высматривал хоть малейшее движение во дворах, чтобы коршуном кинуться за забор и услышать любое слово о девке. Остановился на очередном перекрестке

перед широкой лужей, прикидывая куда свернуть, и услышал возбужденные голоса. Рванулся, но сдержал нетерпение, замер у края забора, вытягивая шею в проулок. Сначала разглядел женские спины. Потом приметил и шустрого мальчика, безуспешно пытающегося вырваться из цепкой хватки старой ворожеи.

– Цыц! – прикрикнула на мальчишку Шепетуха. – Девка, говоришь, с ним была? А не Лагодой ее, случаем, кличут?

– Ага, – тот ковырнул грязь в луже босой ногой. – Эта, с рваной мордой.

Ворожея ухватила мальчика, наострившегося кинуться в проулок, покрепче за ворот.

– Стоять! – рявкнула ему над ухом. – Воин тот не из местной стражи?

– Не-а. Но тоже в доспехе. Да вот только что на лошадь перед собой посадил и увез.

Тошная, как жердь, молодница с дитем на руках зацокала языком, и скривила бескровные губы на вытянутом от удивления лице.

– Чудеса, – она закатила глаза от зависти. – Нашелся же настоящий молодец, которому и такая приглянулась.

– Тебе чего горевать-то? – хихикнула Елица-травница. – Мать, поди, рада-радешенька, что хоть какой мужик на твою красоту нашелся.

– Ко мне сватов засылали! – окрысилась та на старуху. – Да не по одному разу!

– Угу, – подбоченилась травница, вздернув подбородок, и заголосила, гордо оглядываясь по сторонам: – Папаша твой, царствие ему небесное, горшок с серебром приданым на стол выставил. Оно, конечно, сваты в дом потащились со всей округи. Вся погань окрестная ваш порог коленями обстучала да животами вытерла!

Молодка побелела, выпучив глаза, даже слова сказать от возмущения не могла, только ртом хлопала выброшенной на берег рыбой.

– Куда увез? – не отставала от мальчика ворожея.

Мальчишка ткнул пальцем в сторону дороги на Замяту, завертелся юлой, пытаясь укунить схватившую его руку. Шепетуха отпрянула и он, не разбирая дороги, сиганул прямо по лужам, ухитряясь еще и язык через плечо показывать. Молодка безуспешно искала глазами камень, чтобы кинуть ему в спину, и визгливо бранилась, вновь обретя голос и отряхивая забрызганный грязью подол.

– Надо же, как оно повернулось, – Шепетуха изумленно почесала длинный нос.

– Что повернулось?

Глуховатая Елица поспешно выпростала из-под платка ухо, чтобы не пропустить хоть слово. Ворожея отмахнулась. Еще разум не потеряла рассказать, что на рассвете на ее крыльце загрохотало сапогами это страшилище из Герсики. Большеголовый Уло молча швырнул на стол жменю серебра, так же молча вскинул свой чудовищный мешок на плечо, приторочил его на круп лошади и убрался вместе с ожидающим его монахом. Она даже размашисто перекрестила их вслед и трижды сплюнула через плечо, искренне уповая, что видела в последний раз.

Махота бросился обратно к постоялому двору. Мчался, не разбирая дороги, и отчаянно надеялся, что старший возничих ворот и два его воина, которые после ночного караула за стенами начали вливать в глотки подогретое вино, еще не упились настолько, чтобы свалиться со скамьи. И, когда распахнул дверь общей комнаты в харчевне и увидел широкую спину Мевы, крепко сидящего на скамье, то перевел дух, расправил плечи, двинувшись спокойным шагом к сидящим с полными кувшинами стражникам.

– Мева, – позвал он. – Отойдем. Разговор есть и дело срочное.

– Обождешь, – тот даже головы не повернул. – Ну, Гаркун, отошел ты до ветра. Дальше, что было?

– А то, – один из стражников поплевал через плечо и постучал костяшками по столу. – Нечисть этого принесла, не иначе. Зыба мне рассказывал. Он его на переправе первый встретил и хорошенько рассмотрел. Глаза, что угли, морда страшная и на ярлыке у него чуть ли не пер-

стень Некраса вдавленный. Говорит из Лани ехал. А туда, как попал, если не видел его раньше никто? Тут сынок Бородая, что на Ясельде путников переправляет на тот берег, в Стоходе кстати оказался. Тоже не слышал о таком. Таился, значит, гость странный наезженных дорог. Где-то вплавь через Скриву рванул. А обратно, как паломник благочестивый, мол, доски писчие Мурашу везу. Ярлыком своим перед Берестом тряс, не страшился, что проверят. И мешок у него чудной. Никто эту поклажу пощупать не рискнул. Отчего так?

– Берест его пропустил! Ты-то о чужих приказах чего печешься? – нетерпеливо зарычал Махота и потряс Меву за плечо. – Дело, говорю, срочное.

– А ты мне не указ. Сам свои дела уладить попробуй, – недовольно заворчал тот и пнул Гаркуна ногой под столом. – Это все я знаю. Сам, что хотел сказать?

– Вышел я, значит, – стражник опасливо покосился на Махоту, – до ветра. Темно еще было. А в слободке огонек блеснул. У Шепетухи. Тут не спутаешь. В этом проулке от возникших ворот одно ее крыльцо просматривается. У остальных хат только самый край окошка увидишь. Верховой от нее отъехал и на Герсику повернул, а следом второй. Я пробежался через лесок до торгового тракта. Как раз за спиной спутника этого гостя и выскочил к канаве. Шагов десять до них было. И мешок видел. Человека туда спрятать, как камень в колодец бросить.

– Мне почему не сказал?

– А вдруг и в самом деле нечисть?

– А сам чего не спросил?

– Боязно, – буркнул Гаркун. – Не один он был, да и меч у него.

Воины нервно захохотали.

– Эх!

Махота размахнулся, чтобы отвесить по оплеухе каждому, но стиснул зубы и швырнул на стол свой кошель.

– Два десятка серебряных. Не какие-то резаны – куны полновесные, что у султана чека-
няют!

– Да что ж тебе так припекло? – Мева недоуменно поднял одну бровь и повернулся. –
Ведь за медяк удавиться готов.

– Верхового догнать надо, – старший Южной башни скривился, заметив испуг в глазах разговорчивого Гаркуна. – Да не этого. Пришлый тут один девку Бахаря увез, а мне никак отлучаться нельзя.

– Ага, – старший караула понимающе осклабился. – Девка тебе – кошель, лошадь и приш-
лый нам. Двадцать серебряных, говоришь?

– Не веришь – пересчитай! – обозлился Махота.

– Зачем тебе меченая?

– Жениться на ней хочу.

– Вот те на, – ухмыльнулся Мева, выпрямился огромным телом и подмигнул: – А я слы-
шал, что от этой невесты у тебя одна рвота. Как целовать-то ее станешь?

– Не твое дело.

– Пришлый этот откуда? – спросил Гаркун, поднимаясь следом за старшим.

– У него и спросишь, как через час догонишь.

Гаркун передернулся и скользнул в дверь, а Махота схватил его кувшин и осушил до дна одним длинным глотком. Отдуваясь, вышел во двор, долго смотрел в спины удаляющихся вои-
нов, рванувших лошадей с места в галоп. Мрачнел лицом с каждым ударом копыта: не кошель с серебряными жалко было – о себе самом сожалел, что не сможет своими руками этого молодца прикончить, да и Лагodu где-нибудь поглубже прикопать. Затем повернул голову, при-
слонил ладонь ко лбу, разглядывая открывшиеся ворота обители Мураша. Сначала монахи
вывели несколько оседланных лошадей. Потом вышел и брат Пяст, вокруг которого толпились
балахонники. Тут же крутились и монастырские стражники. Он уже начал почесывать заты-

лок, соображая, следует ли ему немедленно вернуться в Южную башню и отправить проследить за хольдом отца Тримира парочку воинов, которые не станут задавать лишних вопросов. Однако тут же и передумал. Как бы ему не хотелось узнать подноготную странного гостя от него самого, но лучше уж у старой ворожеи эти сведения выбить вместе с зубами. Не тот человек первый хольд тайного сыска, чтобы безнаказанно тащиться у него за спиной. Заметит – завтра же в канаве с перерезанным горлом окажешься. Вздохнул и поплелся к главным воротам Стохода, волоча ноги по грязи. Пора уже доложить корту о возвращении.

Хрупкая на вид светловолосая девчушка в мужском облачении, отвернув голову назад, что-то говорила смеющемуся, подставляющему ветру пряди длинных волос, молодому воину. Она первая и заметила преследователя. Вскрикнула испуганно.

– Стража!

– Так, – протянул Стожар.

– Стой!

Мева еще издалека, до поворота, по стуку подков на лошадиных копытах понял, что перед ними те, за кем мчались уже десяток верст, и расслабленно отпустил поводья, когда верховой обнял девку и придержали лошадь.

– А ну, слезай с лошади! – рыкнул старший возничих ворот.

– Ты бы туда, где падалышки кружатся, ехал. Путникам на дороге спокойнее было бы, – произнес чужак.

Старший возничих ворот опешил от такой наглости, а Стожар одним легким движением соскользнул на землю, положил ладонь на бедро Лагоды, задержал руку и ободряюще улыбнулся ее испуганному лицу. Мева ухмыльнулся. Неторопливо покинул седло, потянулся огромным телом, широко расставив ноги, будто дуб посреди леса встал – не выкорчевать. Он был выше пришлого воина на полголовы и раза в полтора шире в плечах. Поставь этого парнишку вместе с девкой за его спиной, как на лавке сидеть будет, так никто и не разглядит. Высморкался в рукав, показав полное пренебрежение. Сказывают, что и среди тощих бывают знатные воины, да хоть Береста с паромной переправы через Скриву возьми. Но Мева, который два года назад без единой царапины выстоял против ляхов Болеслава при осаде Полоты – не за каменной стеной прятался, а с деревянного забора не слезал! – был уверен в своей силе. И еще никому из живых не удавалось поколебать эту уверенность. А мертвые? На то они и мертвые, раз уронили свои головы перед ним.

Навий воин с интересом посмотрел на огромные кулаки стражника, на тяжелый шипастый кистень за поясом, на толстые пальцы, поросшие пучками рыжеватого волоса, и на кривой нож с резной костяной рукоятью. Лагода охнула, прикусив пальцы – похожее на это лезвие и вогнал упырь Махота ей под ребра. А Стожар нахмурился, сделал пару шагов ближе, стоял, покачиваясь с носка на пятку, большие пальцы обеих рук за ремень всунул рядом с латными рукавицами и молчал. Слова не сказал Меве, а как в самое нутро тому плюнул.

Стражник пригнулся, встряхнулся, как цепной пес, только что сорвавшийся с привязи и перемахнувший забор перед одиноким путником. Выбирал место, куда широкое лезвие вонзит. Как бы не был хитер и коварен незнакомый противник, но и с клинком в руках он ему не соперник. Подбадривая себя чем-то средним между рычаньем и уханьем, он направился к Стожару, неподвижно ставшему посреди дороги и загородившему девку на лошади. Тот разве что слегка развернулся боком, и не сдвинулся с места даже тогда, когда Мева все-таки размахнулся и нанес удар. Молодец не дрогнул, отклонился чуть в сторону с презрительной усмешкой. Стражник несколько мгновений недоуменно смотрел на собственные руки, которые едва не упустили меч от удара о землю, после чего зарычал и ударил еще раз. И снова тот отклонился и позволил концу широкого лезвия черкнуть по песку за пядь от своих сапог. И тогда Мева взбеленился, крутнул мечом, попробовал подсесть противнику ноги, тут же коль-

нул в грудь и в шею. Не достал, а тот даже приблизился, заставив отступить на шаг. Стражник был ошеломлен такой неуязвимостью, но пройдя многие сечи, знал, что умелого, даже с одним ножом противника так просто, наскоком, не возьмешь. Сколько костей таких самонадеянных лежит по лесам да болотам? Однако он и представить не мог, каково это – не управиться с безоружным. Решил прикончить сразу. Завертел тяжелым лезвием перед собой, быстрее, быстрее. И нанес стремительный удар: меч выплюнул из сверкающего железного круга смертоносное жало. Во всю мочь, всем огромным телом, во всю силу рук. И еще. И еще. И снова. Тоненько заскулила Лагода, крепко зажмурив глаза, когда ее суженый исчез, пропал в неистовом вихре сокрушительных ударов, каждый из которых был способен рассечь их лошадь вдоль хребта. А как открыла вновь, то увидела только чудовищный оскал на мокром от пота лице старшего возникших ворот, спутанную бороду и могучее плечо, двигавшееся в ритме стремительных ударов. А Меве руку уже сводила судорога, едкий пот заливал, слепил глаза, все труднее стало махать тяжелеющим мечом, все медленнее выпады. Силы он был невероятной, а вот мастерству ратному и выносливости звериной для долгой сечи не довелось обучиться – всегда на единственный удар, что никакой доспех не останавливал, уповал. Противника он так и не срубил, точно туман резал, лишившись разума. Вспомнил через злобу, что подмога, рядом, только клики. Заорал:

– Гаркун!

Остановился на миг, полнее вздохнуть, расправить изнемогшие уже члены, как железные пластины латной рукавицы врезались ему между глаз, проламывая нос, швырнули на землю. Он выплюнул обломки зубов, поднимался страшный в крови, безумно крутил головой, выглядывая своих спутников. Зарычал, бешеным вепрем кинулся вперед рубить в куски, жаждал нанести удар, хоть один, но последний. Не достал. Тяжеленный удар в висок подкосил колени, а затем второй кулак вогнал осколки костей носа до самого мозга, опрокинул на спину. Его противник, так и не обнаживший клинок, задрал стражнику всклокоченную бороду вверх, накинул хрипящему кровавыми пузырями его же собственный пояс на шею. Мева выгибался дугой и сучил ногами, пока не хрустнула крепкая шея. Лагода вздрогнула от треска костей, а Стожар приподнял за пояс обмякшее тело и столкнул в канаву. Девушка, едва пережившая безумный страх за своего будущего мужчину, захлестнувший ее с головой, вздохнула облегченно и, безразлично посмотрела на мокрую дорожку на песке.

– Умереть и то не смог по-людски, – угрюмо бросил Стожар, – а гонору-то было у выроodka.

Он замер, прислушался, выхватил из-за спины арбалет и первой же стрелой выбил из седла всадника, вылетевшего из леса на дорогу. Вторую заряжать не стал, просто шагнул навстречу следующему, в этот раз обнажив меч.

Брат Пяст уже потерял остатки терпения, когда в полдень на дороге к скромной обители в дубовой роще, укрывшей за своими стенами десяток дряхлых старцев, застучали копыта. Трое всадников появились из-за огромных стволов и остановились за сотню шагов от монастырских ворот. Их доспехи были прикрыты черными плащами, а лица скрывались за низко надвинутыми капюшонами. Первый из троих, двинул лошадь на пару шагов ближе.

– Вы не торопились, – раздраженно пробурчал хольд.

Он спешил и остановился перед прибывшими верховыми. Задрал голову, вглядывался ближнему в смуглые черты лица под капюшоном.

– Сказано было в полдень, – глухо прозвучал голос второго всадника, и брат Пяст понял, что не ближний, а тот старший, повернулся к нему.

– В полдень, – подтвердил он.

– Мы не опоздали. Где они?

– Пропали, будто туман с дороги слизнул, – ответил хольд, покрутил головой и хмуро добавил: – Что-то мало вас.

– Не твоя забота. Иларис?

– Донесли, что на хуторе Спыха гости были утром. Недолго были. Может, и желтоглазая, – он развел руками. – А, может, только ее спутники. Как с утра вестника вам отправил, так и не видел никто их больше. Один из ее воинов ту девку, что знак подала, с собой увез. Соглядатай из слободки сообщил, что сартовы стражники за ним увязались. Этого искать не стоит. Прикончат.

– Встретила его стража, – кивнул всадник. – Сегодня корту Стохода придется раскошиться на плотника и искать новых охотников сдохнуть за серебряный в неделю.

– Ушел? – поразился брат Пяст. – От Мевы?

– Молись своему богу, что сам следом не кинулся, – усмехнулся собеседник.

– Пошарьте по окрестностям и найдите мне этого ублюдка Уло, нечисть его раздери, – попросил хольд.

– Неужели покойники нынче в такой цене, что нас сюда через Волму за ними отправили? – удивленный голос из-под капюшона прозвучал отрывисто и зло. – Куда он направился?

– На Вилоню, – похолодел брат Пяст. – Если уж не его тело, так хоть весть какую о его судьбе разнюхайте.

Всадники молча развернули лошадей, а он чертыхнулся, бросился к монастырю и загромыхал ногой в калитку ворот. Ждать ему пришлось долго. Наконец где-то в отдалении послышались шаркающие шаги, загремел один запор, потом другой. Равнодушный голос спросил:

– Кого там нечисть принесла?

– Открывай, – он зло прищурился в приоткрывшееся окошко, забранное частой решеткой.

– Кому? – равнодушия в голосе не убавилось.

– Герсике!

– Зачем?

– Спросить хочу.

– О чем?

– О жизни твоей, Вербен, – завопил брат Пяст.

Он врезал кулаком в дерево ворот. Белое лицо, иссеченное черными полосками теней, отшатнулось от решетки. Следом вновь громыкнули запоры. Скрипнули петли. Из-под седой брови на него вытаращился подслеповатый глаз.

– Пяст?

– Он, милостью Тримира, – хольд расплылся широким лицом в вымученной улыбке.

Старик в длинной рубахе до колен, переступил босыми ногами, распахивая дверь полностью, почесал бок.

– Смотри ты, – буркнул удивленно. – Не прикончили еще.

– Жив еще, Вербен. Жив, – он нетерпеливо потянул створку двери на себя.

– Хотел чего?

– На один простой вопрос ответ нужен.

– Их у тебя в последнее время прибавилось, – хмыкнул тот. – Один другого проще, а ответы на них с каждым разом страшнее. Есть у меня подозрение, что именно этот и будет твоим последним.

– Не кличь беду, старый хрыч. Накаркаешь еще.

– Входи, чего уж там, поговорим.

Разговор Пяста с седым старцем был долгим, и закончился только на следующее утро. Посланцы из-за Волмы ждали его у ворот. Один из них протянул ему обрывок бересты с небрежно нацарапанными линиями.

– Уло? – спросил второй. – Мешок с телом у него был с собой?

Старший тайного сыска испуганно кивнул, разглядывая странный рисунок.

– Карта, – третий верховой отбросил капюшон и окинул хольда насмешливым взглядом. – Заберешь его, если похоронить захочешь.

У Пяста подогнулись колени. Едва троица скрылась за деревьями, как он с позеленевшим лицом развернулся обратно к обители и загремел кулаком в дерево ворот. Вербен выпучил на него глаза.

– Когда ты уже угомонишься? – завопил со злостью.

– Заткнись! – коротко бросил Пяст. – Забыл спросить кое-что. Это точно последнее. Всечета помнишь? Который в Герсике наставником у послушников был.

– Ну, – задумался старец, поглаживая бороду. – Помню. Давненько о нем вестей не слышал. Помер, наверное, в монастыре Тепта.

– Мог он мне лгать?

– Тебе? – Вербен прищурился через решетку. – Я бы удивился обратному.

Солнечный свет проклюнулся сквозь утренние сумерки, когда Петера добралась до старой гати на окраине Пограничья. Проход над бездонной трясиной, различимый только для наметанного глаза лесного жителя, еще скрывался в серой пелене. Она надеялась, что точно помнила, где через каждые пять десятков шагов над шевелящимся под ногами зеленым ковром мха торчала вешка. Многие из них перегнили и лежат, укрытые поверху накопившимися слоями прелой растительности, но если найти первую и знать порядок поворотов по остальным, то пройти не составит большого труда. Главное, не спешить, иначе булькнет под сандалиями бочажина, сомкнется над головой черная жижа и не сыскать никому, где болото тело спрятало.

Девушка осмотрелась, выискивая знакомые приметы. Прошла вдоль трясины влево, затем вправо, вздохнула облегченно, разглядев в мутной серости утра перекрученную из трех стволов березу. В двух саженьях за ней должна быть первая вешка. Она не успевала пройти к следовым камням, что лежали на берегу Чарны, обычным путем, поэтому рискнула пересечь гиблые топи заброшенными тропками. Пойдет в обход, так чуть ли не день потеряет. Задержалась не по своей воле, но то, что она узнала, искупит эту задержку с лихвой. Лишь бы Войдан, обратный вестник от которого разбудил ее вчера уже за полночь, дождался. Она подняла слегу и, не раздумывая, шагнула вперед: некогда ей ждать – туманы здесь могли стоять неделями.

Петера обогнула истлевший осиновый ствол, покрытый пятнами осклизлой белесой плесени. Нашупала гать и осторожно двинулась в серую мглу, укрывшую ее с головой. Болото захолодило ступни, забрызгало струйками ледяной воды, а длинные, острые побеги травы полезли между пальцами, цеплялись за ремешки сандалий, так и норовя остановить. Иногда она оскальзывалась на гнивших прутьях невидимой дороги, проваливалась по пояс в чавкающую грязь и с трудом выбиралась обратно, со страхом вслушиваясь в чьи-то жуткие крики в глубине трясины, и едва не растеряла всю решимость в тумане, заполненном неизвестными, пугающими до смерти звуками. И уже потом, на твердой земле лесной прогалины, покрытой росной травой, вздрагивая от пережитого ужаса, отстирала одежду в безымянной речушке и немного отогрелась на утреннем солнце. Теплая, как в полдень, ласковая вода мягко обнимала ее ступни. Густой лес на другом берегу приветливо шумел могучими кронами. Невидимые в ветвях птицы заливались трелями, деловито жужжали мохнатые шмели, перелетая с цветка на цветок. И тропка, поднимаясь вверх прямо из воды, вилась между деревьями – солнечная, чистая, манящая тут же вступить на нее. Пряный запах цветущих трав возбуждающе пьянил, ласкал ноздри, вызывая странные чувства родства с этим местом. Петера, снова озябшая под влажной тканью, побежала через этот лес, чтобы рубаха и штаны быстрее просохли, и влетела в мастерски состряпанные колдовские настои...

Щупальца тумана ползали у подножия двуглавого холма, холодные звезды отражались в стоячей воде озера, над которым не проносилось даже слабое дуновение ветерка. Слева от груды битого камня немая кладбищенская дорога упиралась в полуразрушенную стену, а справа чернел безмолвный старый пруд с осколком луны посередине. Из темноты у дальнего склона холма, сплошь заросшего колючим кустарником, выехала на лошади женщина со столь отталкивающей внешностью, что у Петеры подкосились ноги. Всадница покрутила головой, задрала острый подбородок вверх, неуловимым движением выхватила арбалет и выпустила стрелу в черноту над головой. Покрутив перед широким носом маленькую летучую мышь, пронзенную стрелой, она засунула ее за пазуху и дернула поводья, приближаясь. Остановив худую кобылу на том месте, где дорогу обрывала каменная стена, она отвязала чересседельные торбы и легко спрыгнула из седла на землю. Размалывая сапогами камень в крошево, добралась до огромной черной проплешины. Расшнуровала торбы, достала лопату и поставила по обеим сторонам тропки два человеческих черепа с вставленными в глазницы свечами. Затем сбросила пояс, зазвеневший мечом о камень, подобрала вверх, завязав тяжелым узлом, волосы, что были чернее самого черного мрака, плюнула на ладони, похожие на старые плоские корни с кривыми отростками, и принялась расчищать дорогу, размеренно махая лопатой. Тихий стон дуплистого вербы, склонившейся над водой пруда, пополз внутрь девушки леденящим страхом. Испуганно закрутились в водовороте мысли, то поднимая ее на крыльях, то жали беспощадными шершнями, и она одной рукой схватила за грудь, пытаясь унять гулко застучавшее сердце, второй крепко вцепилась в ствол дерева, и вскрикнула, едва не задыхаясь от ужаса, накатившего волной, а женщина обернулась, принялась и вдруг рассмеялась, подняв уродливое лицо в беспросветное небо.

– Она здесь, – яростный шепот, слетевший с искривленных усмешкой губ, ударил в уши.

Еще три тени появились в тумане, подобрались к ней ближе, проплыв над ломким бурьяном и не касаясь стеблей ногами, уплотнились, превращаясь в призрачные уродливые фигуры. Тонкие руки поднялись, указывая пальцами прямо на нее. А чудовищная женщина потекла страшным лицом, сбрасывая кожу, будто вместе с волосами сняла ее с голого черепа, и протянула к ней обе руки:

– Я так хочу обнять тебя.

Ласковый голос матери возник прямо в голове, согрел нутро горячим травяным отваром, застил глаза слезами. Петера потянулась навстречу женщине и выпала из морока, услышав стук копыт...

– Ты смотри, – удивленно протянул кирвенский мечник, вгоняя обнаженный меч обратно в ножны, и крикнул за спину: – Тешин! Глянь, кого встретили.

Глава 5

Керана сидела на поваленном ветром стволе дерева. Все утро, расспрашивая Лагоду одной половинкой разума, она одновременно плела во второй колдовской наговор. Нащупала, зацепила на дороге в Вилоню двух всадников, подчинила своей воле одного, отправив ему жесткий приказ. И сейчас, с трудом скрывшись от Хорлая и Гальсы, она прислушивалась к лесным шорохам и ждала посыльного Пяста с таким же нетерпением, как неделю назад его ждал хольд Тримира. И большеголовый Уло, глухо рыча от ярости, искал встречи с иларис. Тащила его чужая воля в это заболоченное урочище. Волокла вместе с лошадьё, и как ни упирался, как ни противился, только что зубами за дорогу не цеплялся, а шаг за шагом двигался обратно к Стоходу.

У неприметной развилки Уло свернул в лес. Спешился сразу за первыми деревьями. Постоял за глубокой канавой обочины, наполненной доверху гнилой водой, обнажив меч. Затем выдернул второй рукой из-за пояса нож, на котором еще не застыла кровь сопровождающего его монаха, и осторожно ступая, направился туда, куда его так настойчиво звали. Через десяток шагов за сплетением корней огромного выворотня, выдернутого бурей из мокрой земли, заметил девку в доспехе. Та сидела, не шелохнувшись, будто ничего не слышала в шелесте листвы над головой: так и торчала пнем, уставившись себе на сапоги. Понял, что она его звала, что достиг нужного места, прищурился озлобленно, обжег ее взглядом, еще крепче сомкнул тонкие губы на уродливом лице, чтобы ненависть, клокодавшая внутри, не выплеснулась яростным криком наружу. Он обошел яму от выворотня, стараясь, чтобы ни один сучок под ногами не хрустнул, сделал маленький шагок ближе, затем еще один, пока не оказался на расстоянии броска ножа и пригнулся. Его плотно сжатые губы раздвинулись в кривой усмешке. Он даже поднял одну бровь от неожиданного сочувствия. Пригнулся, примеряясь, где рубануть мимо доспеха, чтобы не сдохла сразу, оставив немного времени на развлечения, и прыгнул вперед, отводя клинок для удара. Соблазнился близкой целью, полоснул мечом ненавистную девку, а ее на поваленном стволе не оказалось. Керана, рванувшись в сторону за миг до чужого удара, прикусила нижнюю губу и спокойно проделала все то, что вбивал в нее Наслав на воинском дворе. Крутнула свой короткий меч кистью, одновременно прокрутив в голове затверженные за столько лет движения, скользнула слева от размашистого удара, оказавшись за спиной противника. Вскинула клинок, и почти без замаха потянула его на себя, опуская лезвие на незащитную спину. Хорошие мечи ковал Браним в Оружейной башне. Возможно, что и лучшие среди всех. Он враз вспорол железо пластин доспеха, рассек хребет, достал до сердца, покрывшись дымящейся кровью, и порыв ветра взметнул ее волосы, хлестнув по бледным щекам. Мгновение она рассматривала поверженного врага, затем повернулась и твердыми шагами направилась к его лошади, оставленной неподалеку.

Час спустя, разглядывая из мелколесья вспухшую после дождей Волму, Керана выругалась про себя, Этого следовало ожидать, и она сознательно шла на такой риск, решив не переправляться через реку на просматриваемых даже безлунной ночью вдоль и поперек бродах. А тут и погода с утра наладилась – все, как на ладони. Она отлично усвоила наставления корта, что не из всех навьев следует лепить воинов. «Помни, – мягко говорил он, глядя ее ладонью по слипшимся от пота прядям волос, когда она выла от боли, скорчившись в пыли, и с трудом удерживала слезы после подлого удара, – не то лезвие смертоноснее, которое острее, а то, о котором не знают. Кому-то же надо быть и дозорным, и лазутчиком, и согладатаем». Теперь иларис смотрела в мутный, пенящийся поток, несущий обломанные ветром ветви, а то и целые стволы, а видела перед собой сжатые о одну линию губы Войдана, и его сведенные вместе брови над злыми глазами, когда она, гордая своим бесстрашием, впервые добралась на расвете до стоянки его отряда. В том, что быть дозорным настоящее искусство, она убедилась

через мгновение. Старшина распахнул полог небольшого шатра, где ее ждал горячий завтрак и чистая постель. «Не отвлекай нас больше, госпожа, – скривился он. – Тебя уже несколько часов, как заметили. Костер пришлось жечь, а он в темноте ни к чему».

Она поправила на спине лошади мешок Уло и почувствовала себя так, словно тайно пробиралась по чужому дому, где смертельно опасные обитатели никогда не спят. Если Дарьяна узнает, что в этом мешке... Она поежилась, ощутила, как стали ледяными кончики пальцев и остро заныл низ живота. Стоит только первой навке Анлора что-то заподозрить, как она перетряхнет все Пограничье в ее поисках, и вряд ли ее мастерство фехтования на мечях станет для нее преградой, когда они встретятся. Она подняла голову, втянула ноздрями едва уловимый запах лесных цветов с того берега и поморщилась. Не такая уж и наивная девица Дарьяна Анлор, чтобы позволить возможной сопернице свободно разгуливать по своим землям. Каждый скажет, что в прекрасной голове дочери Мораны сплелось в клубок больше болотных гадюк, чем можно было встретить во всех болотах Пограничья и за год. Более злобной и мстительной навки эта земля еще не носила. Если, конечно, не считать ее собственную сестру. Однажды та сказала, что только сумасшедший может перейти дорогу Дарьяне. Захочет заметить – переступит, чтобы не раздавить. Не разглядит под ногами – так слизью по земле и размажет, и подошву о траву вытрет без сожаления. Не верить Нисаре оснований не было – она была единственной, кто мог на равных потягаться с янгалой Анлор. Хоть в колдовском могуществе, хоть в красоте тела. И старшая дочь Озары тронула поводья, направляя лошадь к топкому берегу реки.

Высоко в прозрачном небе беспечно щебетала птаха. Солнечный свет заливал крохотную поляну, поросшую буйным разнотравьем, и вместе с ним вниз изливалась птичья трель, будто пляска отдаленных струй весеннего ручья. Сонная, умиротворенная тишина старого леса, казалось, была ее единственным слушателем. Да еще ветер, заблудившийся в верхушке одинокой высоченной ели среди осиновых стволов, осторожно теребил иголки на ее разлапистых ветвях, словно боясь спугнуть пернатого певца. И только россыпь камней, покрытых прядями старого мха, как редкими волосами, была безразлична и холодна к пению жаворонка. Так же бесконечно холоден к птичьим трелям был и старший анлорского дозора Тешин. Его внимательный взгляд скользнул по трухлявому пню, в котором шипела раздраженная чужим запахом змея, пробежал по скрытым в листве дуплам, зацепился за свежие следы подков на корнях вековых деревьев и остановился на мокрых сапогах мертвеца. Он стиснул зубы. Предупреждали ведь, за стремя хватали, за поводья – не верил, отмахнулся небрежно. Вчера утром, уже далеко за межевым столбом Темеши встретили Петеру, немую дочку Голва. Каждого навья из Пограничья Тешин знал в лицо, помнил и эту грустную девчушку из Мереса. Удивился еще, что она за столько верст от дома делает в чужом лесу, но виду не подал. Вытянул из чересседельной торбы завернутый в чистую рубаху сахарный леденец, что неожиданно для самого себя несколько дней назад купил на пристани Крени у лоточника. Замер на миг: девчушка-то в девицу давно превратилась. Хоть и на мальчика-подростка больше коротко остриженным волосом смахивает, но лицом вышла на загляденье, а красота тела и через мокрую рубаху просвечивает. Петера едва заметно приподняла брови от удивления, приняла подарок, но стремя не отпустила, вцепилась пальцами и смотрела так жалобно, что он не выдержал и рыкнул:

– Хоронишь кого?

Она как-то обреченно вздохнула, коснулась подбородка, засучила пальцами, словно нить на веретено мотала.

– Хорлай? – он напрягся.

Петера дернула уголок губ, испуганно замотала головой, трижды открыв и закрыв ладонь. Показала куда-то вдаль и махнула рукой. Далеко, мол, они. Затем опустила руку вниз,

указывая пальцем себе за спину. Улыбка осветила ее лицо, когда она притронулась к вороту рубахи.

– Войдан? – тут уж Тешин помрачнел, заерзал в седле, когда Петера слегка притопнула ногой. – Здесь?

Она умоляюще прижала ладони к груди: назад надо, в Кирвен.

– Сама прячась, – он усмехнулся, наклонился, погладив ее светлую макушку, слегка потянул клинок из ножен, повернув ухо в сторону недалекой Чармы.

Поостеречься сказал, чтобы собственную тревогу скрыть. Девице-то, вон, совсем не боязно. Ей Войдан чуть ли не роднее, чем собственный отец. Ишь, улыбка до ушей рот растягивала, как имя слышала. Сама-то и произнести его никогда не сможет. Приносила сорока на хвосте слухи, что несколько лет назад загнал дозор из Плиссы немую девчонку в непролазную трясику, а потом... потом, грязную и перепуганную до смерти, за день домчал до Вилони, где Войдан купил для нее пару рубах, вышитых красным узором по рукавам, и целую корзину медовых сладостей у восточных гостей. Следующим утром Петеру, ошалевшую от счастья, нашел по звуку зовного рога сам Голва, а молодой старшина дальних дозоров Плиссы небрежно подбоchenился, когда взбешенный отец полез на него с мечом, двинул папаше в ухо, бросив в грязь, и посоветовал больше дите не бросать. В следующий раз, сказал, к самой иларис Озаре на коленях приползешь просить, чтобы вернули, а ведь не отдаст никто.

Он тогда резко дернул поводья, а она бежала рядом, пока не споткнулась о старую кротовину, поросшую высохшей травой и опутанную бесконечными темно-рыжими нитями муравьев. Теперь же Тешин, будто вновь почувствовал рядом со своим коленом тонкие пальцы немой, мгновенно взмок от холодного пота под доспехами. На точно таком же бугре взрытой земли лежала голова кирвенского мечника со стрелой под ухом. Третий уже, зло подумал он и невольно поежился. Вытер вспотевшие ладони о лошадиную шею, оглянулся, высматривая чужих, и крепко сжал надежную рукоять клинка. Двоих упаковали в ожидании погребального костра, накрепко притянули ремнями к лошадиным спинам, а он первого все никак из головы выбросить не мог. По сию пору стояла перед глазами тощая волчица, что принялась, лизнула тому застывшее лицо и завывала, задрав морду в темнеющее небо, так тоскливо, что он еще тогда понял – живыми их маленькому отряду и через заброшенные пустоши в окрестностях Ронары не вырваться. Вчера на закате ему донесли, что их след подхватили. Преследователи, пока невидимые, уже обогнули их по краю сартовых земель, выдавливали в пойму Горыни на открытое место, задышали в спину. Сам не стал подниматься на вершину ближайшего холма, чтобы убедиться – верил своим следопытам, как себе. И когда Баргун осторожно кашлянул у него за спиной, обернулся, скрыв безнадежность за напускным спокойствием, спросил через силу:

– Видел кого?

Тот покачал головой. Тешин спешил, подошел к мертвецу, присел рядом, мрачно глядя в его остекленевшие глаза. Смахнул с застывшего лица насекомых, выпрямился и гневно бросил через плечо:

– Ты же с ним рядом был!

– Разошлись мы, – глухо ответил Баргун.

– Разошлись... – эхом пробормотал Тешин, обернулся и одним рывком выдернул Баргуна из седла, словно был тот мальчишкой, а не крупным мужчиной в доспехах. – Теперь, что делать станешь?

Воин молчал, опустив глаза, а он подумал, что, может быть, тело намеренно оставили здесь, затеяв сложную игру, правила которой известны только Хорлаю и Войдану? Долгое отсутствие преследователей убеждало все больше и больше, что появление чужого дозора и его очередное жестокое послание могло преследовать совершенно иную цель, чем предположили в Анлоре, отправляя ему вестника с наказом идти на земли иларис Озары. Но, вспоминая тот далекий вечер в Кирвене, когда приехал туда с Баргуном и отбирал в спутники лучших из меч-

ников корта Шимы, он мог бы поклясться всеми костями болот Пограничья – никто не предполагал такого исхода, хотя сил и чародейства у Плиссы предостаточно.

Хрустнул невдалеке сучок под чьей-то ногой. Затем крикнула, зашелестела крыльями по кустам вспугнутая с гнезда птица. Тешин повернул голову к своему спутнику.

– Один?

– Не таится, – буркнул Баргун.

– Подстрели, – прошептал он, беззвучно взводя арбалет. – Только чтобы говорить еще мог.

– Прикончили бы из засады и все.

– Я тебе прикончу, – выдохнул сквозь зубы Тешин. – Живым нужен.

– В лесу это не так просто, – из-за деревьев прозвучал насмешливый молодой голос.

– От стрелы не убежать, Войдан, – откликнулся Тешин, понимая, что скрытность уже не имеет смысла.

– Не убежать, – согласился голос, – это если спиной повернуться. А так и мимо пропустить можно.

– Уверенности у тебя полно, – хмыкнул навья. – Поделишься?

Старшина дальнего дозора на миг показался перед ними, рассмеялся в полный голос и сказал, укрывшись за стволом:

– Я никогда не забываю, что я не только воин Плиссы, но и навья. Я бы услышал, если бы ты был опасен. Издалека еще. И как скрипит тетива взводимого арбалета, и как стучит твое сердце, когда палец ложится на спуск, и когда ты Баргуну говорить позволяешь, то словно мне рассказываешь. Разве мне может что-то угрожать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.